

ASYA
QUI

A romantic couple in formal wear. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a black suit and white shirt. The woman, on the right, has blonde hair styled in waves and is wearing a black lace dress. They are standing close together, looking at each other. The background is a blurred city street at night with warm lights.

ЖЕНА ДЬЯВОЛА

Asya Qui

Жена дьявола

<https://litres.ru/74206403>

Аннотация

Сзади скрипит кровать. Матрас прогибается под тяжестью чего-то... кого-то большого.

Воздух застревает где-то между легкими и пересохшим горлом. Сердце пропускает удар, потом начинает долбиться о ребра, как птица в клетке.

Медленно, по миллиметру, поворачиваю голову.

Спина.

Широченная мужская спина. Смуглая кожа, россыпь родинок вдоль позвоночника. Мышцы перекатываются под кожей даже сейчас, когда он просто дышит во сне. Черные волосы, слегка растрепанные.

И на левой лопатке...

Татуировка.

Черный дракон. Агрессивный, детально прорисованный, с красными глазами, обвивающий меч.

Меня парализует. Я знаю эту татуировку. Я видела её. Пять лет назад, в ту единственную ночь, которую прокручиваю в голове перед сном.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	15
Глава 4.	22
Глава 5.	30
Глава 6.	37
Глава 7.	42
Глава 8.	45
Глава 9.	49
Глава 10.	55
Глава 11.	60
Глава 12.	66
Глава 13.	72
Глава 14.	78
Глава 15.	83
Глава 16.	89
Глава 17.	94
Глава 18.	97
Глава 19.	103
Глава 20.	110
Глава 21.	118
Глава 22.	124
Глава 23.	128

Глава 24.	134
Глава 25.	141
Глава 26.	149
Глава 27.	154
Глава 28.	158
Глава 29.	163
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Глава 1.

Боже, воды. Хотя бы каплю.

Не открывая глаз, шарю рукой справа. Там, на тумбочке, всегда стоит пластиковая бутылка.

Пустота.

Пальцы хватают воздух, опускаются ниже. Пол? Нет. Простыня. Бесконечная, шелковая, прохладная простыня.

Стоп. У меня нет шелкового белья. У меня выстиранный хлопок из с катышками.

Резко дергаюсь влево. Опять мимо. Ни стены, в которую я обычно упираюсь коленками, ни края моей жалкой полуторки, с которой вечно свешиваются ноги. Я будто на плоту посреди океана.

Глаза распахиваются сами собой.

Свет. Ослепительный, белый, стерильный. Он режет сетчатку, заставляя зажмуриться до цветных кругов. Потолок высокий, идеально ровный, с какой-то сложной подсветкой по периметру вместо моей треснувшей люстры.

Пытаюсь сесть.

Ошибка. Фатальная, блин, ошибка.

Мозг внутри черепной коробки, кажется, отклеился и с глухим шлепком ударился о затылок. Желудок подкатил к горлу ледяным комом. Зажимаю рот ладонью, судорожно глотая вязкую, кислую слюну.

Дыши, Аделина. Вдох-выдох.

Кое-как стабилизировав внутренности, приоткрываю один глаз. Потом второй. Оглядываюсь, придерживая голову обеими руками, ощущение такое, что если отпущу, она просто скатится с плеч и покатится по полу.

Охренеть.

Просто охренеть.

Это не комната. Это гребаный музей современного искусства, в котором разрешили переночевать. Кожаный диван цвета горького шоколада. Стеклянный столик, на котором ни пылинки. Какие-то хромированные инсталляции, назначения которых я в упор не понимаю — то ли вешалки, то ли орудия пыток.

И окна.

Воздух со свистом вырывается из легких. Окна от пола до потолка. Огромные, панорамные. А за ними...

Манхэттен.

Прямо передо мной торчит шпиль Эмпайр-стейт-билдинг. Солнце бликует на стекле соседних небоскребов, выжигая мне глаза.

Я в Нью-Йорке. На Манхэттене. В пентхаусе, судя по высоте.

Какого... как?!

Так. Спокойно. Без паники. Включаем то, что осталось от мозгов, хотя там сейчас, похоже, только обезьянка с тарелками.

Вчера была пятница. Пятница — это святое. Пятница — это его клуб.

Я сидела на своем месте в конце барной стойки. Тони, бармен, даже не спрашивал, просто подливал. Помню свой седьмой martini... нет, вру, восьмой. Оливка плавала на дне.

А потом...

Картинка расплывается, превращается в шум. Помню ту блондинку. Силиконовая долина на выезде. Она елозила на его коленях, терлась об него, как мартовская кошка.

Меня накрыло. Ярость, обида, алкоголь — адский коктейль.

Я встала. Ноги были ватными, каблуки скользили. Но я пошла. Прямо к лестнице в VIP-зону, куда вход простым смертным заказан под страхом смерти или переломанных ног.

И всё. Черный экран. Титры.

Но это не может быть всё! Я не могла телепортироваться из клуба в эти хоромы! Что-то же было между лестницей и этим утром!

Черт, я же держу себя в руках. Три бокала — мой предел. Железный лимит. Ну, четыре, если день — полное дерьмо. Но вчера...

Вчера был не просто дерьмовый день. Вчера был день имени Кристины и мамы.

«Голосовое сообщение от Мамы. Длительность: 10:43».

Я прослушала все. Каждую секунду яда. Про то, какая я

неблагодарная. Про то, что Кристина выходит замуж за перспективного юриста, гордость семьи, свет в окошке. А я... я — позор. Пятно на репутации. «Почему ты не можешь быть как сестра?».

И я сидела в своем темном углу, глушила мартини, как воду, и смотрела, как Данте, хозяин этого вертепа и заодно хозяин моих влажных снов последние пять лет, тискает очередную модель.

Скидываю одеяло, потому что становится жарко. И тут же хватаюсь за край, натягиваю обратно до самого подбородка, чуть ли не с головой укрываюсь.

О нет.

Нет-нет-нет.

Я голая.

Ни трусов, ни лифчика, ни даже одного носка. Кожа горит, касаясь прохладной ткани.

Взгляд цепляется за левую руку, которой я вцепилась в одеяло.

Что. Это. За. Хрень?

Поднимаю кисть к лицу. Моргаю. Трясу головой — может, глюк?

Но блеск никуда не девается.

На безымянном пальце — кольцо.

Не просто колечко. Это булыжник. Камень размером с фасолину, переливается всеми гранями, издеваясь над моей нищетой. Бриллиант. Настоящий, мать его, бриллиант в

окружении россыпи камней поменьше.

Это не мое. Это точно, на миллион процентов не мое. Самое дорогое, что у меня было — серебряное колечко с ярмарки за двадцать баксов, и то я его посеяла в раковине полгода назад.

Дергаю кольцо. Кручу. Тяну изо всех сил. Кожа собирается складками, сустав краснеет, но металл сидит как влитой. Словно прирос.

Сзади скрипит кровать. Матрас прогибается под тяжестью чего-то... кого-то большого.

Воздух застревает где-то между легкими и пересохшим горлом. Сердце пропускает удар, потом начинает долбиться о ребра.

Медленно, по миллиметру, поворачиваю голову.

Спина.

Широченная мужская спина. Смуглая кожа, россыпь родинок вдоль позвоночника. Мышцы перекачиваются под кожей даже сейчас, когда он просто дышит во сне. Черные волосы, слегка растрепанные.

И на левой лопатке...

Татуировка.

Черный дракон. Агрессивный, детально прорисованный, с красными глазами, обвивающий меч.

Меня парализует. Я знаю эту татуировку. Я видела её. Пять лет назад, в ту единственную ночь, которую прокручиваю в голове перед сном.

Данте.

Данте Марчелли лежит в одной постели со мной.

Глава 2.

Колени встречаются с паркетом. Глухой, костяной звук. Ладони скользят по полированному дереву, разъезжаются.

Надо встать. Или хотя бы уползти. В ванную, в шкаф, в другое измерение — плевать. Главное — подальше от этой татуировки и её носителя. Но тело объявило забастовку.

С трудом поднимаю голову. Комната плывет, стены пульсируют, но детали выхватываются четко. Слишком четко.

Брюки. Валяются небрежным комом у кресла. Пиджак перекинут через спинку. Рубашка валяется прямо у кровати.

А мои шмотки где, черт возьми? Где мое дешевое платье с распродажи? Где мои трусы, в конце концов?

— И куда намылилась?

Голос бьет по ушам похлеще ледяного душа. Низкий, хриплый со сна, с нотками ржавого железа.

Замираю на четвереньках. Вдох застревает в горле.

Медленно, очень медленно выпрямляюсь, сажусь на пятки. Пытаюсь прикрыться руками, но толку от этого — ноль целых хрен десятых. Правая ладонь на груди, левая пытается изобразить фиговый листок внизу. Чувствую себя идиоткой.

Данте не спит.

Он лежит на боку, подперев голову рукой. Смотрит на меня. Не мигает.

Простыня сползла до бедер.

О господи.

Внутри все сжимается и падает вниз. Я вижу всё. Широ-кую грудь с редкими волосками, мышцы пресса. Шрам на ребрах. И эту дорожку волос, уходящую вниз, под сбившуюся белую ткань, туда, где...

Сглатываю. Горло дерет.

— Я... — голос срывается на сип. Кашляю, пробую снова.

— Мне надо домой.

— Ты дома.

Мозг буксует.

— Что? Нет. Я имею в виду... к себе домой. В Бруклин. У меня там... дела. Кот. У меня кот не кормлен.

У меня нет кота. У меня даже кактус сдох месяц назад от обезвоживания. Я не способна заботиться о чем-то, что сложнее табуретки.

Данте садится. Медленно, лениво, как хищник, который уже пожрал и теперь развлекается с добычей.

Простыня ползет еще ниже. Опасно низко. Едва удержи-вается на тазовых костях.

Господи, ну надень ты трусы! Я не могу формулировать мысли, когда передо мной столько тестостерона в чистом ви-де.

— Кот, значит? — уголок его рта дергается вверх. — А как же завтрак с мужем, миссис Марчелли?

Стоп.

В голове будто рубильник дернули. Темнота, искры, запах

паленой проводки.

— Кто? — шепчу. — Что?

Он молча поднимает левую руку. Демонстративно растопыривает пальцы.

На безымянном — кольцо. Широкое, платиновое или из белого золота, тяжелое даже на вид.

— Нет... — мотаю головой, отчего в затылке взрывается новая бомба боли. — Нет-нет-нет. Ты меня разводишь, да? Типа, напоили дурочку и давай ржать?

— Я много чем занимаюсь, принцесса. Торгую, договариваюсь, решаю вопросы. Но браков по приколу не заключаю. Не мой профиль.

Его взгляд. Он физически ощутил. Скользит по мне, как липкая лента. От спутанных волос — к шее, ниже, задерживается на груди, которую я безуспешно пытаюсь закрыть ладонью, спускается к животу, к сжатым бедрам.

Кожа под этим взглядом начинает гореть. Вспыхивает, покрывается мурашками.

Твою мать! Я же перед ним как на витрине! Вся! С этими дурацкими родинками, с острыми коленками, с грудью, которая сейчас сжалась от холода и страха.

Рывок.

Хватаю с пола первое, что попадает под руку. Его рубашка.

Руки трясутся. Путаюсь в рукавах. Левая рука застревает в манжете, правая вообще не туда лезет. Ткань пахнет им.

Одуряюще пахнет. Дорогой табак, какой-то сандал и... секс. Резкий, мускусный запах, от которого внизу живота, несмотря на весь этот кошмар, вдруг становится горячо и тягуче.

Кое-как натягиваю рубашку. Она огромная. Плечи свисают до локтей, подол бьет по бедрам. Пытаюсь застегнуть пуговицы. Пальцы не слушаются, скользят.

Запахиваюсь, как в кокон. Прижимаю руки к груди, пытаюсь унять дрожь.

Мозг лихорадочно крутит пленку назад.

Клуб. Громкая музыка, басы бьют в грудь. Дым. Смех. Стекло бокала, холодное в ладони. Я смотрю на него. На Данте. Он там, наверху, как бог на Олимпе, только вместо амброзии — виски, а вместо нимф — силиконовые куклы.

Я встаю. Иду к лестнице. И тут в голове вспыхивает.

— Я же не... Я не могла... ну, всерьез...

— Потребовать, чтобы я на тебе женился?

Он откидывается на подушки. Закидывает руки за голову. Мышцы на руках бугрятся. Он наслаждается. Сволочь, он просто кайфует от моего ужаса.

— Могла, — припечатывает он. — И потребовала. Весьма настойчиво.

— Настойчиво? — слово вылетает вместе с нервным смешком. — Я еле на ногах стояла! Какая к черту настойчивость? Я, наверное, просто... ну, пошутила?

Глава 3.

Постельное белье шуршит, и звук этот бьет по моим оголенным нервам. Данте встает.

Просто берет и встает.

Господи Иисусе, Дева Мария и все ангелы-хранители, отвернитесь.

Я честно пытаюсь изучить потолок. Пытаюсь найти там трещину, пятно, смысл жизни — да что угодно! Но глаза, предатели, живут своей отдельной, похотливой жизнью. Они скользят вниз. По инерции. По гравитации. По глупости.

И врезаются в него.

В горле пересыхает так резко, будто я глотнула песка.

Он огромный. Нет, серьезно, это вообще законно — занимать столько пространства одним человеческим телом?

— Оденсья! — резко отворачиваюсь к стене. — Бога ради, надень хоть что-нибудь!

— Зачем? — в голосе ленивая насмешка. — Ты все это уже видела.

Желудок делает кульбит, кислота подкатывает к горлу. Господи, за что мне это?

— Нам надо поговорить! — ору в стену, зажмурившись до цветных кругов. — Серьезно поговорить! Об аннуляции! О разводе! О том, что это все — чудовищная ошибка!

— Никаких разводов.

Тон меняется. Исчезает лень, появляется сталь. Холодная, режущая сталь.

Разворачиваюсь на пятках.

— То есть как?!

Он стоит в двух шагах. Абсолютно, бесстыдно голый. Широкие плечи, разворот груди, узкие бедра... И то, что ниже.

Воздух со свистом вылетает из легких. Твою мать.

— Глаза не сломай, принцесса, — усмехается он, заметив мой взгляд. — Нравится то, что видишь?

— Иди к черту! — лицо горит так, будто с меня кожу живьем содрали. — Ты... ты воспользовался моментом! Я была пьяная! Невменяемая! Это не считается!

— Еще как считается.

Он делает шаг ко мне.

— В моем мире сделки, скрепленные кровью или... — он многозначительно смотрит на смятые простыни, — сексом, обратной силы не имеют. Ты моя жена. Я твой муж. Точка.

— Да ты больной! — пячусь назад. — Какой муж? Мы знакомы... ну, нормально знакомы... всего ничего! Я пойду в суд! Я скажу, что ты меня напоил! Что принудил!

— Попробуй.

Толкаю его в грудь. С тем же успехом можно толкать скалу.

Он даже не качнулся. Только бровь приподнял.

— Закончила?

— Нет! Я сейчас... Я уйду! Прямо сейчас!

Рывок в сторону двери. Три шага. Четыре. Ручка двери уже близко...

Железный обруч сжимается на талии. Рывок и меня отрывает от пола, ноги болтаются в воздухе. Мир переворачивается, и через секунду я впечатываюсь спиной в его грудь.

Горячо. Везде, где его кожа касается моей — пожар. А сзади, прямо в копчик, упирается твердое подтверждение того, что утренний стояк у него никуда не делся.

— Куда намылилась? — его дыхание обжигает ухо, щеко-чет шею. — В таком виде по Манхэттену бегать? Копы оценят шоу, но заберут в дурку.

— Отпусти меня! — дрыгаю ногами, бью пятками по его голеникам. Бесполезно. — Я ненавижу тебя! Слышишь? Ненавижу!

Он разворачивает меня к себе, не отпуская. Теперь я вишу в его руках, лицом к лицу. В его глазах — тьма. Глубокая, затягивающая тьма, в которой пляшут черти.

— Ненавидишь? — уголок рта ползет вверх. — Странно. А вчера ночью ты пела совсем другие песни. Напомнить?

— Молчи! — пытаюсь закрыть уши руками, но он пере-

хватывает мои запястья одной ладонью, сжимает над головой.

— «Данте, блять, да! Глубже! Не останавливайся! Я вся твоя, возьми меня всю!»

Каждое слово — как пощечина. Кровь отливает от лица, потом приливает обратно с удвоенной силой. Я готова провалиться сквозь паркет, сквозь перекрытия, прямо в ад.

— Особенно трогательно было про «твоя», — он проводит носом по моей щеке, втягивает запах. — Ты орала это так, что наверняка сорвала связки. И теперь хочешь сказать, что это ничего не значит?

— Я была пьяная... — сиплю. — Я не соображала...

— Пьяные говорят правду.

Он разжимает руки. Я падаю на пятки, колени подгибаются. Приходится ухватиться за его предплечье, чтобы не рухнуть. Мышцы под пальцами стальные.

— Ванная... — выдавливаю из себя. Мне нужно спрятаться. Смыть с себя запах секса, запах его одеколона, запах собственного позора. — Где ванная?

— По коридору направо.

Делаю шаг, шатаюсь.

— И кстати, — голос Данте останавливает меня у самой двери. — Твои шмотки в гардеробной.

Оборачиваюсь. Он стоит, скрестив руки на груди, и наблюдает.

— Какие шмотки?

— Все. Мои люди перевезли твои вещи.

— Перевезли... — тупо повторяю я. — Откуда?

— Из твоей норы в Бруклине.

Норы?

Подхожу к двери гардеробной. Распахиваю.

Вспыхивает свет — датчики движения.

Полки. Вешалки. И на них...

Мои джинсы. Мои свитера. Платья с распродаж. Книги стопкой в углу.

И коробка с бельем. Открытая. Сверху лежат мои любимые трусы. С розовыми пони. Те самые, которые я надеваю, когда все совсем плохо и нужно почувствовать себя маленькой.

Он видел их. Он видел мои трусы с пони.

Поворачиваюсь к нему. В груди клокочет такая ярость, что пальцы сами собой сжимаются в кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

— Твои... эти твои громилы трогали мои вещи? Мои личные вещи?!

Данте стоит в дверном проеме, заполнив собой всё пространство. Ему вообще плевать на мою истерику.

— Мои люди профессионалы, Аделина. Им плевать, что паковать — золото в слитках или твой детский сад. Они просто выполняли приказ. А сейчас марш в душ. От тебя несет перегаром, дешевым мартини и моим членом.

— Ты... ты хам!

— Иди мойся. Пока я не решил, что мне нравится этот запах, и не затащил тебя обратно в постель.

Угроза висит в воздухе, плотная, почти осязаемая. И самое страшное — я понимаю, что он не шутит. Он смотрит на меня так, будто прикидывает, куда удобнее меня повалить — прямо здесь на ковер или дотащить до кровати.

Разворачиваюсь на пятках и пулей лечу в ванную.

Захлопываю дверь. Проворачиваю замок на два оборота.

Прижимаюсь спиной к прохладному дереву, сползаю вниз. Сердце колотится где-то в горле, перекрывая кислород.

— Два оборота не помогут, принцесса! — его голос доносится из коридора, приглушенный дверью, но от этого не менее насмешливый. — Если я захочу войти — я войду. Двери для меня не проблема.

— Иди к черту! — ору в ответ, обнимая колени.

Слышу удаляющиеся шаги. Он ушел.

Наконец-то выдыхаю. Воздух со свистом покидает легкие. Оглядываюсь.

Это не ванная. Это спа-салон для небожителей. Черный мрамор, хромированные краны, огромное зеркало во всю стену. И душевая кабина, в которую можно загнать слона.

Подползаю к зеркалу. Поднимаю взгляд.

Мать честная.

Из стекла на меня смотрит чучело. Волосы спутались в воронье гнездо, тушь размазалась под глазами черными кругами. Губы припухли, искусаны. На шее...

О господи.

На шее, чуть ниже уха, наливается фиолетовым засос. Яркий, бесстыдный след его рта.

Касаюсь пятна пальцами. Кожа саднит.

Срываю с себя его рубашку, отшвыриваю в угол. Встаю под душ, выкручиваю кран.

Вода бьет тугими струями. Горячая. Почти кипяток.

Тру себя мочалкой. До красноты, до боли. Пытаюсь содрать с себя этот запах — мускуса, табака, чужой власти. Запах ночи, которую я не помню, но которую помнит каждая клеточка моего тела.

Глава 4.

Несколько часов назад...

Телефон вибрирует на барной стойки. «Мама». Седьмой раз за последние полчаса. Экран загорается, освещая дно моего бокала, и гаснет. Загорается и гаснет. Настойчиво. Зло.

Даже смотреть не буду. Текст этого монолога выжжен у меня на подкорке: Кристина в предсвадебной истерике, отенок салфеток на полтона отличается от скатертей — трагедия масштаба ядерной войны. А я — неблагодарная эгоистичная тварь, потому что не бросила все свои (несуществующие, по их мнению) дела и не примчалась держать сестру за ручку, пока она выбирает между цветом «слоновая кость» и «брызги шампанского».

— Тони, повтори, — толкаю пустой бокал через стойку.

Тони наблюдает мою деградацию по пятницам уже пять лет.

— Аделина, — он вытирает руки полотенцем. — Может, воды? Или кофе? Ты уже...

— Лей, — перебиваю жестко.

Прозрачная жидкость плещется в бокале. Оливка с тихим «плюх» уходит на дно. Первый глоток не обжигает, он заходит как родной, замораживая пищевод. Химия ударяет в мозг, размывая острые углы реальности. О, да. Вот оно. То самое состояние, когда перестаешь чувствовать себя ничто-

жеством, а просто превращаешься в наблюдателя.

Двадцать три. Мне двадцать три года. А я пялюсь на мужика, для которого я — даже не фоновый шум. Я — пыль на его дорогих итальянских туфлях. Меньше, чем пыль.

Глаза сами собой, против воли, ползут вверх. К VIP-зоне. Чертова гравитация. Я как наркоманка, которой нужна доза, даже если эта доза с цианидом.

В прошлую пятницу я клялась себе, стоя под ледяным душем: «Всё, Аделина. Хватит быть жалкой. Это финиш». И в позапрошлую тоже. И месяц назад. Но вот она я — сижу, глушу martini и пожираю его взглядом.

Данте там. Развалился на кожаном диване, ноги широко расставлены. А на коленях у него...

Сегодняшний экспонат — платиновая блондинка. На ней тряпка, которую платьем назвать — оскорбить швейную промышленность. Блестки на леске. Она елозит задницей по его паху и шепчет что-то ему на ухо. Бьюсь об заклад, это какая-то пошлость уровня «хочу твоего большого друга, папочка».

Желудок скручивается в тугой узел, к горлу подкатывает желчь. Меня сейчас вывернет. Физически.

А Данте... Он даже не смотрит на нее. Его рука лениво лежит на ее бедре, пальцы сжимают плоть. Его взгляд скользит по залу.

И вдруг он натывается на меня.

Бам.

В груди взрывается вакуумная бомба. Воздух вышибает из легких, сердце пропускает удар, а потом срывается в га-лоп, долбясь о ребра.

Он смотрит. Не сквозь. Не мимо. Прямо в меня. Эти черные глаза прожигают расстояние в тридцать метров, и кожа под моим дешевым платьем вспыхивает, будто меня облили бензином и чиркнули спичкой.

«Отвернись, дура! — орет инстинкт самосохранения. — Сделай вид, что изучаешь оливку! Что ждешь кого-то! Что тебе вообще плевать!»

Но меня парализовало. Я сижу, вцепившись в ножку бо-кала до побеления костяшек, и пялюсь в ответ.

Блондинка на его коленях, видимо, почувствовав, что внимание босса ускользнуло, решает повысить ставки. Ее ладо-нь скользит по его груди, расстегивает верхнюю пугови-цу рубашки. Она наклоняется к его шее, высунув розовый язык...

Нет. НЕТ.

Ярость вспыхивает белой вспышкой, выжигая страх.

Рывок — и я на ногах. Пол под каблуками качается. Ого, я пьянее, чем думала. Мир слегка двоится, контуры предметов плавают. Но это даже к лучшему. Трезвая Аделина никогда бы не сделала того, что собирается сделать пьяная Аделина.

— Эй, куда намылилась? — Тони перехватывает мое запястье через стойку. — Аделина, сядь. Не твори дичь.

— Поздно, — выдергиваю руку. — Я уже пять лет творю

одну сплошную дичь.

Разворачиваюсь и иду к лестнице в VIP-зону. Ну, «иду» — сильно сказано. Я плыву, лавируя между столиками, цепляясь бедром за спинки стульев. Каблуки проскальзывают на гладком полу. В ушах шумит кровь, заглушая долбежку басов.

Здравый смысл бьется в истерику где-то на задворках сознания: «Развернись! Вали домой! Укройся одеялом и ной в подушку! Не позорься!»

Охранники у подножия лестницы переглядываются. Они меня знают. «Та самая сумасшедшая, что пускает слюни на босса по пятницам». Безобидная. Пусть идет, поржем. Они даже не делают попытки меня остановить.

Хватаюсь за перила. Металл холодит вспотевшую ладонь. Ступеньки множатся перед глазами — то ли десять, то ли сто. Ноги ватные, каждое движение дается с боем.

Что я ему скажу? «Привет, Данте, помнишь, ты лишил меня девственности пять лет назад в «Плазе», а потом свалил в туман? Так вот, я все еще думаю о твоём члене перед сном»?

Господи, лучше сразу застрелиться.

Но ноги несут меня вверх. Предательницы.

Данте замечает мое приближение, когда я одолеваю половину подъема. Блондинка тоже оборачивается. На ее лице появляется гримаса брезгливости.

— Это еще что за чучело? — Она окидывает меня взглядом с головы до ног. Губы кривятся. — Охрана! Эй! Тут ка-

кая-то алкашка в VIP-зону ломится! Уберите этот мусор!

— Луиза. Свали.

Господи. Этот голос.

Низкий, с хрипотцой, от которой вибрирует пол под ногами. Спокойный, как могильная плита.

— Но зайка, мы же только начали... — Луиза меняется в лице, пытается погладить его по щеке наманикюренным когтем. — Эта девка...

— Я сказал — свали.

В его тоне нет угрозы. Там просто факт. Железобетонный факт, с которым не спорят.

Она подскакивает. Лицо идет пятнами. Хватает свой микроскопический клатч, бросает на меня последний уничижающий взгляд и исчезает, цокая каблуками по ступенькам вниз.

И мы остаемся... Ну, не совсем одни — вокруг его люди, но они сливаются с интерьером, становятся частью кожаной обивки диванов. Для меня в мире сейчас существует только один объект.

Делаю последние шаги.

Останавливаюсь прямо перед ним. Между его широко расставленных ног. Вторгаюсь в его личное пространство. Вблизи он еще больше. Еще опаснее. От него пахнет дорогим виски, табаком и чем-то темным, первобытным. Тестостероном в чистом виде. И властью. Запах, от которого у меня сводит низ живота, несмотря на весь этот сюрреализм.

Он не шевелится. Сидит, откинувшись на спинку, руки лежат на подлокотниках. Смотрит на меня снизу вверх.

— Аделина.

Он помнит мое имя.

После пяти лет тишины, после одной единственной ночи, когда я была просто пьяной девчонкой в его постели, он помнит мое гребаное имя!

— П-привет, — выдавливаю я.

— Сколько ты выпила?

— Недостаточно, — хмыкаю, и меня слегка покачивает, — раз я еще стою, а не валяюсь у твоих ног.

Уголок его рта чуть дергается. Это не улыбка — Данте не из тех, кто улыбается просто так. Это скорее признание, что я его позабавила.

— Тебе пора домой.

Вот так. Просто. Никаких «как дела», «рад тебя видеть», «прости, что пять лет назад трахнул и исчез, оставив записку на тумбочке». Просто — пшла вон.

— Не хочу домой, — упрямство, помноженное на алкоголь, делает меня безрассудной. — Дома никого нет. Дома скучно.

Он молчит. Просто смотрит на меня тем тяжелым, темным взглядом, от которого хочется либо сбежать на край света, либо упасть на колени и умолять сделать со мной что угодно.

— И чего же ты хочешь, раз не домой?

Он задает этот вопрос лениво, вращая в руке стакан с виски. Лед звякает о стекло. Дзынь.

Вот он, вопрос на миллион. Чего я хочу?

Чтобы он извинился? Чтобы признался, что тоже не может меня забыть и дробит на воспоминания обо мне? Чтобы встал сейчас и поцеловал так, чтобы у меня мозг через уши вытек?

В голове крутится миллион вариантов ответа. Умных, саркастичных, гордых. «Хочу, чтобы ты сдох», «Хочу забыть твое имя», «Хочу еще выпить».

Но мой пьяный рот вдруг выдает:

— Замуж за тебя хочу.

Тишина.

Оглушительная, вязкая, ватная тишина.

Музыка внизу продолжает долбить, но здесь, в VIP-зоне, будто вакуум включили.

Кто-то из его парней за спиной поперхнулся дымом. Другой тихо присвистнул. Третий пробормотал что-то резкое по-итальянски.

А я стою, качаюсь на каблуках, и медленно, осознаю масштаб катастрофы.

Я. Это. Сказала.

Вслух.

При свидетелях.

Господи, развернись пол, забери меня в ад прямо сейчас. Быстро и безболезненно. Я не просто дура. Я — королева

идиотского королевства.

А Данте... Данте не смеется. Не злится. Не крутит пальцем у виска. Он просто смотрит. И этот взгляд сканирует меня, разбирает на атомы, взвешивает каждый кусочек.

Ну скажи хоть что-нибудь! Обзови больной. Прикажи охране вышвырнуть меня на помойку. Засмейся мне в лицо. Что угодно, только не это пыточное молчание!

Глава 5.

Данте

Аделина держится на ногах только за счет какой-то неведомой силы и, возможно, упрямства. Зрачки расширены, плавают, пытаюсь поймать фокус на моем лице. Она в хлам. Литр мартини, не меньше, плещется в этом тощем теле.

Пять лет эта психованная приходит в мой клуб каждую пятницу, как по расписанию. Занимает свой угол у барной стойки, цедит пойло и сверлит меня взглядом. Я чувствую этот взгляд затылком, даже когда не смотрю в ее сторону. Он липкий, тяжелый, пропитанный какой-то больной, мазохистской преданностью.

Мы с Марко как-то поспорили на ящик «Макаллана». Я сказал: «Сейчас посажу к себе ту блондинку с третьего, и следи за малой в углу — она побелеет». Марко ржал, не верил. А я знал. Видел краем глаза, как у нее белеют костяшки на бокале, как дергается веко.

Мне это нравилось? Да, блядь. Я мудака редкостный, скрывать нечего. Специально тянул время с очередной шлюхой. Целовал медленнее, руки по заднице водил нарочито долго, демонстративно. А сам наблюдал. Как у Аделины ноздри раздуваются, как она воздух глотает. Как она мысленно вспарывает горло каждой бабе, которая меня касается.

Мог вышвырнуть ее из клуба одним щелчком пальцев.

Сказать охране: «Эту больше не пускать». И всё. Исчезла бы, растворилась в своем Бруклине.

Но не стал. Почему?

Потому что помню ту ночь. До последней секунды помню, сука.

Каждый ее стон. Каждую каплю пота, что стекала между острых лопаток. Я сидел тогда в баре «Плазы», заливал злость виски после очередной разборки. А тут она. Нелепая, в дешевом платье, но с таким голосом... Член дернулся сразу, еще до того, как я ее толком разглядел. Начала неуклюже флиртовать. Облизывала край бокала, касалась моей руки якобы случайно. Меня это даже позабавило. Не успел опомниться, как уже тащил ее в номер, срывая эту черную тряпку.

Она была жадной. Неопытной, дерганой, но жадной до одури. А потом увидел кровь на простынях. Девственница, блядь. Я на секунду завис, в моей вселенной таких зверей уже не водилось, но остановиться не мог. Не хотел. И даже... черт, даже попытался быть нежным. Насколько я вообще способен на эту херню.

Утром свалил, пока она спала. Оставил записку на тумбочке. Три слова: «Это была ошибка».

Если бы остался... Если бы она проснулась и посмотрела на меня теми своими глазами... Я бы влип. Поэтому сделал единственное правильное для нас обоих — исчез.

А она, дура упертая, меня нашла. И вот теперь стоит передо мной, шатается, пахнет дешевым martinis и несет пья-

ный бред про замужество.

Хватаю ее за талию, резко дергаю на себя. Она взвизгивает, смешно так, по-девчачьи, и плюхается мне на колени. Задница приземляется аккуратно на мой член.

Твою мать. Он мгновенно каменеет, упираясь в ширинку. Тело помнит ее лучше, чем мозги.

— Интересное предложение, — усмехаюсь, обхватывая ее поперек живота. Чувствую под ладонью, как напряглись мышцы пресса. Дрожит. — Неожиданное, скажем так.

Она облизывает губы. Кладет ладошку мне на грудь.

— Данте, я серьезно...

— Да неужели? — запускаю пятерню в ее волосы на затылке. Мягкие. И пахнут... клубникой? Или персиком? Какой-то сладостью. Наматываю прядь на кулак, тяну назад, заставляя запрокинуть голову. Шея открывается. — Ты же пьяная в говно, Аделина.

— Не в говно! — возмущается она, пытаясь сфокусировать взгляд на моем лице, но глаза предательски косят. — Просто... навеселе. Для храбрости выпила.

— Для храбрости? И часто ты по пьяни замуж выходишь?

Свободная рука скользит по ее бедру. Платье задралось, когда она падала, открывая вид, от которого у меня пересыхает во рту. Кожа горячая, гладкая. Веду выше, к кромке трусиков. Хлопок. Обычный ебанный хлопок.

— Только за тебя, — она вдруг становится серьезной. Пьяные глаза пытаются сфокусироваться, и на секунду ей

это удастся. В них плещется такая отчаянная решимость, что меня пробирает. — Мы же... у нас же было. Пять лет назад. Одна ночь. Ты помнишь?

Помню ли я? Да я, блядь, до сих пор дрочу на эти воспоминания, когда все остальное надоедает.

— Было дело.

— И ты просто ушел. Оставил записку и исчез.

В ее голосе обида. Пятилетней выдержки.

— А что должен был сделать? Остаться? Завтрак тебе в постель принести?

— Да! То есть нет... Я не знаю! Но не просто исчезнуть, как будто меня не существовало!

Она дергается, пытается встать, но я держу крепко. Ладонь на животе вдавливают ее в меня. Никуда она не денется. Не сейчас.

— Ты в курсе, кто я? — спрашиваю жестко, наклоняясь к ее лицу. — Чем занимаюсь?

— В курсе.

— И не боишься?

— Боюсь, — признается честно, сглатывая. — Но больше боюсь прожить жизнь, так и не попытавшись. Мне двадцать три, Данте. Я пять лет живу, как зомби. Работа-дом-работа. И каждую пятницу — сюда. Смотреть, как ты трахаешь других.

— Я их при тебе не трахал.

— Но я знала, что будешь. Потом. И это... это убивало

каждый раз.

Блядь. Вот сейчас она меня в тупик поставила. Искренность — херовая валюта в моем мире, но сейчас она бьет без промаха.

В голове щелкает переключатель. А, собственно, какого хера?

Мать уже полгода на мозги капает. «Женись на Изабелле Монтенегро, укрепи союз, нам нужны их связи в порту...» Только вот на хрен мне не упала эта силиконовая кукла с запросами королевы. И прогибаться под папашу Монтенегро я не собираюсь.

А Аделина...

Это будет идеально. Мать в истерике забьется — сын привел в дом нищую, никому не известную девчонку без роду и племени. Изабелла с папашей обломаются знатно, поймут, что я клал на их планы.

И я получу ее. Наконец-то получу то, чего хотел все эти пять лет, но запрещал себе даже думать об этом, считая блажью.

— Ладно.

— Что? — она моргает растерянно, рот приоткрывается.

— Женимся. Сейчас.

Встаю, подхватывая ее на руки. Рывком, как пушинку. Легкая, черт. Килограмм сорок пять, не больше. Кости под тонкой кожей прощупываются, бедренные суставы острые, впиваются мне в бок. Надо откормить, а то сломаю ненаро-

ком в порыве.

Она инстинктивно обвивает меня — ноги вокруг талии, руки вцепляются в шею. Прижимается всем тельцем, прячет лицо у меня на плече.

— Эй, Марко! — рывкаю, не оборачиваясь. — Живо сюда!

Марко материализуется через три секунды из полумрака VIP-зоны.

— Босс?

— Машину к черному выходу. И найди священника.

— Священника? — у Марко глаза на лоб лезут, челюсть отвисает. Он видел многое, но такого даже он не ожидал. — Босс, два часа ночи. Какой, к хренам, священник?

— Мне плевать, который час. Разбуди какого-нибудь. Вытащи из постели, из борделя, из-под земли достань. Заплати сколько скажет, хоть двойную таксу. И еще... — окидываю взглядом Аделину, которая вцепилась в меня, как коала в эвкалипт. — Платье белое найди. На вот эту. Размер... самый маленький бери. И кольца. Нормальные, не позорные, с камнями чтоб.

— Босс, где я ночью найду платье и кольца?

— Марко, — мой голос становится тише, вкрадчивее. Это всегда действует лучше крика. — У тебя час. Через час в моем офисе должен быть священник, белое платье и кольца. Ты меня понял? Или мне поискать того, кто умеет решать вопросы?

— Понял, босс. Будет сделано. — Он исчезает так же

быстро, как появился, растворяясь в толпе.

Девчонка на моих руках начинает паниковать. Отрезвление, видимо, накатывает волнами.

— Данте, подожди! — она дергается, пытаясь слезть, но я перехватываю ее поудобнее. — Это слишком быстро! Мы же не можем вот так просто... Нужно обдумать, родителей предупредить, документы какие-то нужны наверняка... Заявление подать, ждать месяц...

— Нужны только паспорта и желание. Паспорт у тебя есть?

— В сумочке... — она растерянно шарит рукой по боку, нащупывая ремешок дешевого клатча. — Но это безумие! Данте, мы же... это ненормально!

Она утыкается лицом мне в шею. Горячее, влажное дыхание щекочет кожу, посылая разряды прямо в пах.

— Еще какое, — усмехаюсь ей в макушку.

Глава 6.

Дверца «Бентли» захлопывается с мягким щелчком. Аделина уже на моих коленях — сама забралась. Прижимается всем своим тощим тельцем, утыкается носом куда-то мне в шею.

Набираю Роберто одной рукой — вторая придерживает ее за талию, чтобы не свалилась.

«Брачный контракт готовь. Марко детали знает. К утру чтоб был»

Отправляю, убираю телефон.

— Данте...

— Что? — откидываю голову на подголовник. Ее задница ерзает у меня на коленях, и член уже начинает проявлять интерес.

— Все эти годы... — она поднимает голову, смотрит на меня. — Ты же... ты меня видел. В клубе. Каждую пятницу.

— И?

— Почему никогда не подходил? Ни разу.

А вот это интересный поворот. Беру ее за подбородок, заставляю смотреть мне в глаза. Зрачки расширены. Пульс на шее бьется как сумасшедший.

— Хочешь правду?

Она кивает. Маленький такой кивок, едва заметный.

— Ты мне не нравишься.

Вру, конечно. Но мне нравится, как у нее в глазах что-то ломается. На секунду. Потом злость вспыхивает, и это еще лучше.

Она открывает рот, наверняка хочет послать меня куда подальше. Но вместо этого...

Хватает меня за лацканы пиджака и впечатывается губами в мои губы.

Твою мать.

Целуется она... никак. Зубами стучается, языком тычет куда попало, даже голову наклонить нормально не может. Но блядь... В этом есть что-то.

Беру контроль на себя. Одной рукой придерживаю ее затылок, фиксирую. Языком раздвигаю ее губы, врываюсь внутрь. Показываю, как надо.

Она издает что-то между стоном и всхлипом. И начинает ерзать активнее. Трется об меня, цепляется за плечи.

Рука сама скользит под ее платье. Развожу ноги шире, она не сопротивляется, сама подается навстречу. Веду пальцами по внутренней стороне бедра. Кожа горячая, влажная от пота.

А трусики...

Усмехаюсь ей прямо в губы. Она отстраняется, тяжело дышит.

— Не надо... — шепчет.

Но это такая очевидная ложь, что даже комментировать не хочется. Потому что ее бедра сами раздвигаются шире, а

попа приподнимается, давая мне лучший доступ.

— Конечно, не надо, — отодвигаю мокрую ткань в сторону. — Совсем не надо.

И скольжу пальцем по ее складкам.

Она течет.

Буквально течет.

Нахожу вход, толкаю палец внутрь.

И охуеваю.

Узко. Невероятно, невозможно узко. Будто тиски сжимают палец. Мышцы сокращаются, пульсируют, втягивают глубже.

Она после той ночи вообще ни с кем не была?

Мысль бьет прямо в член.

— Больно? — спрашиваю, начиная двигать пальцем. Медленно, растягивая ее.

— Нет... — выдыхает она мне в ухо. — Да... не знаю...

Она дышит через зубы, но не просит остановиться.

Добавляю второй. Растягиваю, большим нахожу клитор.

Начинаю растирать круговыми движениями.

— Ох... ох черт... что ты...

Затыкаю ее поцелуем. Глотаю все ее стоны, всхлипы, бессвязный бред. Она мечется на моих коленях, не знает, то ли от пальцев убежать, то ли навстречу податься.

Ускоряю движения. Пальцы входят и выходят с мокрым, хлюпающим звуком. Большой палец безжалостно трет клитор.

Голова запрокидывается, открывая бледную шею. Не удерживаюсь — наклоняюсь и кусаю. Не до крови, но ощути-мо.

Тело выгибается дугой, внутренние мышцы сжимаются вокруг моих пальцев волнами. Раз, два, три... Блядь, она кон-чает минуту, не меньше. Долго, мощно, всем телом.

А я считаю сокращения. Пятнадцать... шестнадцать... семнадцать...

Машина останавливается. Уже? Время пролетело как од-на минута.

Вытаскиваю пальцы. Они блестят в свете уличных фона-рей. Подношу к ее лицу.

— Открой рот.

Она смотрит на меня затуманенным взглядом.

— Зачем?

— Открой, говорю.

Послушно приоткрывает губы. Засовываю пальцы ей в рот.

— Соси.

Ее глаза расширяются от шока. Но она подчиняется. Язык неуверенно касается моих пальцев, слизывает собственный вкус.

А потом что-то в ней переключается. Она начинает сосать — сначала осторожно, потом активнее. Обхватывает губами, языком скользит между пальцев.

Блядь.

Если она так же будет сосать мой член...

Глава 7.

Данте

Святой отец дергается. Стоит у импровизированного алтаря, просто стол, накрытый какой-то скатертью, которую Марко откуда-то притащил, и пытается не обоссаться от страха.

На столе белое платье. Без рюшек, воланов и прочего девчачьего дерьма. Аделина хватает его трясущимися руками.

— Где... где переодеться?

Киваю на дверь в углу:

— Там комната.

Она исчезает за дверью. Я иду к бару, наливаю виски. Первый глоток прожигает горло. Хорошо.

Священник все еще подергивается у стола. Воротничок промок насквозь.

— Расслабься, падре. Никто тебя в бетон закатывать не будет.

Он дергается еще сильнее. Блядь, шутки юмора не понимает.

— Я... я просто... необычная обстановка для таинства брака...

— Пятьдесят штук баксов за полчаса работы — тоже необычно. Но ты же не жалуешься?

Кадык у него ходит вверх-вниз. Еще чуть-чуть, и этот бо-

жий одуванчик в обморок грохнется. А мне потом его откачивать?

Дверь открывается, оборачиваюсь.

Охуенно.

Платье село как влитое. Обтягивает ее тощую фигурку, подчеркивает острые ключицы, впалый живот. Она похожа на... черт, даже сравнения не подберу.

— Готова?

Она кивает. Подходит ближе, встает рядом.

Священник начинает свою латинскую абракадабру. Я не слушаю. Смотрю на Аделину.

Нижняя губа у нее искусана до крови, темная корочка в уголке рта. Ресницы дрожат.

В голове начинается кино. Как сорву с нее это невинное платьишко. Поставлю раком прямо здесь, на этом столе. Буду вколачиваться в нее, пока не начнет выть. А потом...

— ...Данте Марчелли, берете ли вы в жены...

— Да, — рублю, не дослушав.

Священник аж подпрыгивает. Поворачивается к Аделине:

— Аделина Росс, берете ли вы в мужа...

Тишина.

Она смотрит на меня. В глазах — паника вперемешку с решимостью. Секунда тянется как час.

Две секунды.

Пять.

Священник кашляет в кулак. У меня внутри все превра-

щается в кусок льда. Если эта дура сейчас передумает...

— Да, — выдыхает она. — Согласна.

Ну наконец-то, блядь.

Марко подсовывает коробку с кольцами. Беру первое — здоровенный камень, каратов на пять. Хватаю ее руку. Ледяная, мокрая от пота. Кольцо не лезет — застревает на костяшке.

Дожимаю. Кольцо наконец проскальзывает. Она морщится, но молчит.

Теперь ее очередь. Берет мужское кольцо дрожащими пальцами. Промахивается мимо моего пальца раз, другой. На третий попадает.

— Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Вот это мне нравится больше всего в этой церемонии.

Дергаю ее к себе резко, чтобы не успела сообразить. Одной рукой обхватываю талию, прижимаю к себе так, что между нами не остается и миллиметра. Вторая ложится на затылок, пальцы зарываются в волосы.

И я ее жру.

Не целую, а именно жру.

Она пищит, пытается оттолкнуть — бесполезно. Углубляю поцелуй, прикусываю нижнюю губу. Чувствую вкус крови.

— Расслабься, — шепчу в губы. — А то язык сломаешь от напряжения.

Глава 8.

Аделина

Лоб прилипает к холодному стеклу. Снаружи — башня из черного стекла, которая втыкается в ночное небо Манхэттена. Задираю голову, пытаюсь разглядеть верхушку.

Данте уже на тротуаре, а я все сижу. Коленки вцепились друг в друга в смертельной схватке. Если сейчас попытаюсь встать, ноги просто откажутся работать — я это чувствую.

Дверь распахивается.

— Вылезай, — его голос долетает откуда-то сверху.

Делаю попытку. Правая нога выползает наружу, левая следует за ней нехотя. Хватаюсь за край двери, подтягиваюсь...

Подол платья цепляется за что-то, слышу, как трещит шов. Мир делает резкий кувырок влево.

Сейчас я размажусь по асфальту. Прямо перед ним. Перед моим...

Мужем.

МУ-ЖЕМ.

— Осторожнее, блядь. Еще не хватало, чтобы ты тут расквасила себе рожу, — Данте удерживает меня одной рукой.

Господи, я замужем за человеком, который матерится так же естественно, как дышит.

— Пойдешь или нести? — в его голосе слышится нетерпение.

— Пойду!

Делаю шаг. Потом еще один.

Лифт. Везде зеркала — на стенах, на потолке, даже на полу какая-то отражающая поверхность. Вижу себя со всех ракурсов одновременно, и картина удручающая. Тушь размазалась. Помада исчезла еще часа два назад.

Волосы... о, это вообще отдельная песня. Утром я потратила час, накручивая локоны. Сейчас они торчат в разные стороны.

Данте стоит рядом, руки в карманах. И он такой... такой...

Данте двигается. Резко, без предупреждения.

Спина врезается в зеркало. Воздух вышибает из легких одним ударом. Его рука обхватывает талию, прижимает так, что ребра протестующе скрипят.

— Мы же... камеры... — выдавливаю, пытаюсь вдохнуть хоть немного воздуха, а не его самого.

— Похер на камеры, — его пальцы находят резинку трусов. Кружевных, между прочим! Я их каждую пятницу выгуливала.

Оттягивает и отпускает.

ЩЕЛК!

Кожа вспыхивает, будто по ней прошлись крапивой. Между ног мгновенно становится горячо и мокро.

И память услужливо подкидывает картинки из машины — его пальцы там, внизу, как он растягивал меня, как я всхлипывала, а потом его пальцы во рту... Я правда их обли-

зывала?

Двери разъезжаются с мелодичным звоном. Данте отступает, будто ничего не было. Поправляет манжеты рубашки.

А я вишу на поручне, вцепившись обеими руками. Коленки подкашиваются, между ног пульсирует. Если сейчас отпущу поручень — точно шлепнусь.

— Идешь? — он уже в коридоре.

Выползаю следом. Ноги заплетаются.

Пентхаус встречает меня панорамными окнами. Ночной Манхэттен раскинулся внизу. Красиво. Если бы только пол не качался под ногами...

— Виски? — Данте уже у бара, в руках хрустальный графин.

— Не... мне хватит, — качаю головой.

Большая ошибка. Огромная.

Комната делает сальто. Желудок подпрыгивает к горлу, потом проваливается куда-то к коленям. Хватаюсь за спинку дивана.

Только не блевануть. Пожалуйста, господи, не дай мне блевануть на его дизайнерскую мебель за миллион баксов.

— Трезвая ты скучная, — он делает глоток, смотрит на меня поверх стакана.

Что?!

Забываю про тошноту. Выпрямляюсь так резко, что в глазах темнеет на секунду.

Скучная. Он назвал меня скучной!

Внутри все вскипает. Да я... я очень даже интересная! У меня есть... есть... блин, а что у меня есть?

На волне возмущения и остатков алкогольного куража подхожу к нему. Выхватываю стакан прямо из рук.

Опрокидываю виски залпом. Горло горит огнем, желудок протестующе сжимается, но я держусь. Не морщусь, не кашляю.

Ставлю стакан на мраморную барную стойку. Получается громче, чем планировала, но уже плевать.

— Вот теперь повесе...

Договорить не даёт. Его рот накрывает мой, язык врывается внутрь без приглашения.

Господи, как же он целует. Это не просто поцелуй — это захват территории.

Тянусь на цыпочки, обвиваю руками его шею. Пальцы зарываются в жесткие черные волосы. Хочу ближе, еще ближе. Чтобы между нами не осталось даже молекулы воздуха.

Он резко отрывается. Я тянусь следом... не наелась, еще хочу! Но он разворачивает меня лицом к барной стойке. Ладони шлепаются о холодный мрамор.

Ладони шлепаются о холодный мрамор барной стойки.

— Стой так. Не двигайся.

— А что ты...

— Сказал — стой.

Глава 9.

За спиной слышу шорох ткани. Он раздевается? Или просто пиджак снимает? Хочется обернуться, но что-то в его голосе заставляет слушаться.

Его ладони опускаются на мои плечи. Горячие, тяжелые. От прикосновения кожа покрывается пупырышками.

Медленно стягивает бретельки платья. Сначала с левого плеча. Потом с правого.

Платье начинает сползать. Дергаюсь, пытаюсь поймать, но он перехватывает мои запястья. Заводит за спину, удерживает одной рукой, даже не сжимает сильно, просто держит, но вырваться невозможно.

Белый шелк медленно сползает вниз, цепляется за бедра, потом падает к ногам белым облаком.

Стою в кружевном белье и туфлях на шпильках. И его взгляд — я чувствую его кожей — медленно путешествует по моему телу.

— Красиво, — его палец прочерчивает линию от плеча до локтя. — Бледная такая. Как фарфоровая кукла. Любой синяк будет как картина. Засосы, укусы... может, еще и веревки попробуем.

Веревки?!

В животе все переворачивается вверх дном.

Его палец спускается по позвоночнику. Медленно, считая

каждый позвонок. Раз... два... три... Спина прогибается сама собой, тело отзывается на каждое прикосновение.

Резко разворачивает меня к себе.

— Сними остальное.

— Что, прямо здесь? На кухне?

— Это гостиная. Но да, прямо здесь.

— А ты? Будешь стоять одетый и смотреть?

— Пока да.

Ну и черт с ним. Раз хочет шоу — получит.

Руки тянутся за спину к застежке лифчика. Пальцы дрожат. Крючки никак не поддаются. Наконец справляюсь.

Лиф падает на пол. Инстинктивно хочется прикрыться руками, но заставляю себя стоять прямо. Подбородок вверх. Плечи расправлены.

— Хорошо. Теперь трусы.

Подцепляю пальцами кружевную резинку. Медленно тяну вниз — не из желания подразнить, просто руки плохо слушаются. Кружево скользит по бедрам, падает к лодыжкам. Переступаю, отбрасываю ногой в сторону.

Стою перед ним полностью обнаженная. Только дурацкие туфли остались.

Данте обходит меня по кругу.

— Худая, — наконец выносит вердикт. — Ребра торчат, задницы почти нет. Но... сойдет.

Сойдет?! Вот это комплимент века!

— Если я такая неказистая, может, отвезешь меня обрат-

но? Обменяешь на модель получше?

Он останавливается прямо передо мной.

— Нет. Ты уже моя. С печатью и всеми документами. Возврату и обмену не подлежишь.

Его рука ложится на мою талию, подталкивает обратно к барной стойке.

— Залезай.

— Куда?!

— На стойку. Живо.

— Ты серьезно? Это же... негигиенично!

— Блядь, Аделина, залезай на стойку, или я тебя туда сам закину.

Ладно-ладно! Оборачиваюсь, упираюсь ладонями в холодный мрамор, подтягиваюсь. Попа встречается с ледяной поверхностью, и я взвизгиваю:

— Холодно!

— Сейчас согреешься.

Его руки раздвигают мои колени. Широко. Еще шире. Теперь я сижу в максимально открытой и уязвимой позе.

Его ладонь скользит по внутренней стороне бедра. Медленно, мучительно медленно. Добирается почти до цели и останавливается. Большой палец чертит круги на нежной коже, в сантиметре от того места, где все уже горит и пульсирует.

— Мокрая, — констатирует он. — Насквозь мокрая. И мы еще даже не начали.

— Это из-за алкоголя, — пытаюсь оправдаться.

— Конечно, — в его голосе слышится усмешка. — Алкоголь виноват. Не то, что ты пять лет обо мне фантазировала.

Палец наконец касается клитора. Легко, почти невесомо, но меня прошибает разрядом.

— О-ох...

— Рассказывай, — он начинает медленно водить пальцем по кругу. — Что именно ты представляла?

— Я... не могу... Стыдно...

— Стыдно? — палец проникает внутрь, неглубоко, только на фалангу. — Ты сидишь голая на барной стойке, с раздвинутыми ногами, вся течешь, а тебе стыдно говорить?

Он прав. Абсурд какой-то.

— Я представляла... — голос срывается, когда он добавляет второй палец. — Представляла, как ты меня целуешь. Как раздеваешь. Как мы занимаемся любовью в большой кровати...

— Скучно, — он ускоряет движения. — Давай грязные фантазии.

— Я... иногда представляла... — внутри все сжимается от его пальцев. — Что ты грубый. Что заставляешь меня... делать вещи...

— Какие вещи?

— Минет, — выпаливаю, чувствуя, как щеки горят. — Что ты держишь мою голову и... и трахаешь мой рот...

— Продолжай.

Его большой палец находит клитор, начинает растирать в такт движениям пальцев внутри.

— Что ты привязываешь меня... Шлепаешь... Не даешь кончить, пока я не буду умолять...

— А анал?

Замираю.

— Что?

— В жопу. Представляла, как я тебя в задницу трахаю?

Господи. Он это серьезно?

— Нет... не доходила до такого...

— Придется наверстывать.

Нет, стоп, я не готова!

Но думать об этом некогда, потому что его пальцы делают что-то невероятное внутри меня. Глубже. А потом... Ох... палец снаружи начинает свою безжалостную шлифовку, растирая клитор до состояния горящего уголька.

Мысли сгорают, превращаются в белый шум. Есть только его рука и этот постыдный влажный звук, который издаю я сама. Внутри все скручивается в один раскаленный канат. Дыхание? Какое к черту дыхание, я не дышу. Близко, так близко, почти... пожалуйста, ещё...

И тут эта сволочь вытаскивает пальцы.

— Нет! Данте, ну пожалуйста!

Он подносит блестящие от моей смазки пальцы к губам. Медленно облизывает, не сводя с меня взгляда.

— М-м-м... Сладкая. Как конфетка.

У меня в голове что-то перегорает от этого зрелища.

Он начинает расстегивать рубашку. Пуговица за пуговицей, мучительно медленно. Я сижу на холодной барной стойке, голая, мокрая, возбужденная до предела, и смотрю как загнипнотизированная.

Рубашка падает на пол. Господи, какой же он...

— Слезай. И на колени.

О черт. Сейчас будет то, о чем я только что рассказывала.

А я понятия не имею, как это делается! То есть теоретически представляю. Взять в рот и... ну... сосать? Но на практике я полный ноль!

Сползаю со стойки. Ноги подкашиваются.

— Я не умею, — шепчу, глядя на его ширинку. Там уже все натянуто до предела. — Правда не умею.

— Научу. На колени.

Глава 10.

Колени встречаются с мрамором. Резко, больно. По ногам пробегает противная дрожь — то ли от холода, то ли от... Господи, я реально на коленях перед ним. В его гостиной. После всех этих мартини в голове плавает, но не настолько, чтобы не понимать, что происходит.

— Ремень, — его голос сверху звучит как приказ. Не просьба, не предложение. Приказ.

Поднимаю взгляд. Он стоит надо мной — огромный, темный силуэт на фоне приглушенного света. Смотрит вниз, и в его глазах... Господи, там такая тьма, что хочется либо бежать, либо утонуть в ней.

Тянусь к пряжке. Металл холодный, скользкий. Или это у меня ладони вспотели? Пряжка никак не поддается.

— Да что ж такое... — бормочу себе под нос.

— Нервничаешь?

В его голосе слышится... что? Насмешка? Нет, что-то другое.

— А ты как думаешь? — огрызаюсь, продолжая воевать с пряжкой. — Я вообще-то не каждый день...

— Знаю.

Наконец-то! Пряжка поддается. Кожа шуршит, выскальзывая из шлевок.

— Молния.

Господи, ну почему у меня руки так трясутся? Это же просто молния. Механизм примитивный — потяни вниз и все. Но язычок выскальзывает из пальцев, приходится хватать снова.

З-з-зип.

В тишине звук кажется оглушительным.

— Теперь достань его.

Замираю. Серьезно? Прямо вот так... залезть к нему в трусы и...

— Аделина. Я жду.

Ладно. Ладно-ладно-ладно. Я взрослая женщина. Замужняя, между прочим. Это нормально — трогать член собственного мужа. Абсолютно нормально.

Просовываю руку в разрез брюк. Пальцы натываются на хлопок боксеров, а под ним...

О черт.

Горячий. Нет, не горячий — раскаленный. И твердый как... как... Да нет сравнений! Как эта штуковина вообще в штанах помещается?

Обхватываю пальцами, осторожно вытаскиваю наружу. В полумраке он выглядит... внушительно. Пугающе внушительно. Вены проступают, головка блестит от смазки.

— Смотри на меня.

Поднимаю глаза. Данте смотрит на меня, и от его взгляда внутри все сжимается в тугую узел. Не от страха. От чего-то другого. Чего-то, что заставляет меня облизнуть вне-

запно пересохшие губы.

— Открой рот.

Замираю. Все. Приплыли. Сейчас надо будет это... в рот... А если зубами задену? Или вдруг меня стошнит! В фантазиях-то я была секс-богиней, все умела, а в реальности...

Данте наклоняется, хватает за челюсть. Сжимает — не то чтобы прям больно, но чувствительно.

Его большой палец давит на нижнюю губу. Приоткрываю рот — совсем чуть-чуть.

— Язык покажи.

Высовываю кончик языка. Он подносит член ближе, и капля предэякулята касается языка. Вкус... странный. Не противный, как я боялась.

— Лижи. Как мороженое.

Мороженое. Ага. Только мороженое не пульсирует и не дергается, когда к нему прикасаешься.

Провожу языком по головке. Данте шипит сквозь зубы.

— Блядь... Да, вот так. Еще.

Осмелев, провожу языком по всей длине. Снизу вверх. Там есть выпуклая вена — язык чувствует каждую неровность.

— Теперь в рот бери. И зубы прикрой губами.

Обхватываю губами головку. Господи, челюсть! Она же треснет! Это физически невозможно — так широко рот открывать.

— Глубже, принцесса. Давай, не ссы.

Пытаюсь протолкнуть дальше, но он упирается в горло. Рефлекс срабатывает, кашель рвется наружу. Глаза слезятся, в горле саднит.

Все. Позор. Сейчас он развернется и пойдет к какой-нибудь профессионалке, которая это делает с закрытыми глазами.

— Через нос дыши, — его рука ложится на затылок, не давит, просто придерживает. — И горло расслабь.

А где инструкция, как это делать?

Снова беру в рот. На этот раз осторожнее. Нахожу ритм — вперед-назад, не слишком глубоко. Язык исследует рельеф, губы плотно обхватывают ствол.

И мне начинает нравиться. Не сам процесс — челюсть болит, слюни текут, неудобно. Но его реакция... Пресс напрягается, дыхание сбивается. И он тихо так матерится:

— Вот так... блядь... хорошо делаешь... еще... ммм, сука...

Я делаю это. Я довожу его до такого состояния. Я — неопытная, неумелая, с нулевым стажем в оральных ласках.

Это знание ударяет в голову как шампанское. Беру глубже, еще глубже. Нос утыкается в жесткие волосы внизу живота.

— Ебать... Аделина, блядь...

Его бедра дергаются вперед. Член проскальзывает еще глубже, в самое горло. Давлюсь, но не отстраняюсь. Хочу довести до конца, хочу почувствовать, как он...

Резко дергает меня за волосы назад. Член выскальзывает изо рта с пошлым чмокающим звуком. Между нами тянется

ниточка слюны.

— Хватит.

— Но... я же... ты не...

— Встань, — командует.

Пытаюсь подняться. Ноги затекли, не слушаются. Шатаюсь. Хватаюсь за его бедра, чтобы устоять.

Данте подхватывает меня под локти, одним движением усаживает обратно на барную стойку.

И тут он опускается на колени.

Передо мной.

Данте Марчелли на коленях.

Его лицо оказывается между моих ног. Большие ладони раздвигают бедра — властно, не терпя сопротивления.

— Посмотрим, что тут у нас, — его дыхание обжигает внутреннюю сторону бедра.

Глава 11.

— Ноги. Держи их раздвинутыми.

Господи, да я и не смогу их свести, даже если очень захочу.

Он склоняется, и его дыхание — горячее, тяжелое — обжигает самое чувствительное место. Внутри все сжимается в один пульсирующий узел ожидания.

— Господи... — выдыхаю в потолок.

— Бога тут нет, принцесса. Только я.

И он проводит языком. Медленно. Снизу вверх. Собирает всю влагу одним долгим движением.

Меня подбрасывает на барной стойке. Спина выгибается, бедра дергаются вверх. Сейчас точно свалюсь к чертям, но его ладони впечатываются в мои бедра, удерживая на месте.

— Не дергайся, — рычит он мне прямо туда. — А то пропущу самое интересное.

Самое интересное? Это что еще за...

О черт. Черт-черт-черт.

Его губы находят клитор. Обхватывают. И начинают посаживать то сильнее, то слабее, создавая какой-то адский ритм. А потом еще и зубы подключает, легонько прикусывает, и меня прошивая от макушки до пяток.

Мои руки сами находят его голову. Пальцы зарываются в жесткие волосы, тянут, направляют. Сильнее, еще, вот так,

да-да-да. Бедра живут своей жизнью, трутся о его щетину, ищут большего контакта.

Мама бы в обморок грохнулась, увидев свою "приличную" дочь в таком виде. Голая, на кухонной стойке, с разведенными ногами, умоляющая мужчину не останавливаться.

Но мама далеко. И вообще — к черту маму.

Данте меняет тактику. Теперь его язык выписывает восьмерки, круги, зигзаги — я теряю счет фигурам. То медленно, как пытка. То быстро, как автоматная очередь. Мой мозг не успевает обработать одно ощущение, как накатывает следующее.

И тут я чувствую его палец у входа. Он обводит по краю, дразнит, но не входит.

— Данте...

— Что? — его голос вибрирует прямо на моей коже.

— Не издевайся.

— А я и не издеваюсь. Я наслаждаюсь процессом.

Палец наконец проскальзывает внутрь. Один. Потом второй присоединяется. Растягивает, исследует, и вдруг...

— ААААА!

Меня буквально подкидывает. Что это было? Будто кто-то ткнул оголенным проводом прямо в нервное сплетение. Все тело прошивает волной жара, перед глазами белые вспышки.

— Точка G, принцесса, — его голос звучит самодовольно.

— Запомни, где она. Пригодится.

Он снова надавливает на эту чертову точку, и из горла вы-

рывается стон.

— Хочешь фокус?

Фокус? Какой еще, к черту, фокус?

Оооо...

Пальцы массируют изнутри, а язык атакует клитор снаружи. Двойной удар. Тотальное уничтожение остатков моего самоконтроля.

В животе будто запускают центрифугу. Все внутренности скручиваются, сжимаются, готовые взорваться. Ноги сводит, пальцы на ногах подгибаются. Я вцепляюсь в край столешницы, чтобы не съехать.

— Данте... я сейчас... я не могу больше...

— Можешь и будешь.

И он ускоряется. Пальцы, язык — все работает в бешеном темпе. Внутри натягивается невидимая струна, еще чуть-чуть и...

Взрыв.

Меня выгибает дугой. Из горла вырывается крик. Весь мир сжимается до одной точки удовольствия, которая пульсирует волнами по всему телу. Это длится вечность. Или пять секунд. Я не могу определить — время потеряло смысл.

Когда отпускает, я лежу на барной стойке. Все мышцы — желе. Дышу с надрывом. А Данте... Данте продолжает. Его язык все еще там, но теперь это уже слишком. Кожа горит, каждое прикосновение, как удар током по оголенным нервам.

— Хватит... — скулю. — Пожалуйста... я умру...

Отталкиваю его голову. Или пытаюсь, силы нет совсем.

Он наконец отстраняется. Выпрямляется. Вытирает рот тыльной стороной ладони, и этот жест... Господи, почему это так возбуждает? Он весь блестит от меня — губы, подбородок. И ему абсолютно плевать.

— Протрезвела? — спрашивает с усмешкой.

Протрезвела? Я вообще забыла, как меня зовут. Какой сегодня день. В какой вселенной мы находимся.

— Ага, — выдавливаю. — Как стеклышко.

Он подхватывает меня под попу. Инстинктивно обвиваю его ногами, руками цепляюсь за шею. Мое лицо оказывается в изгибе между его шеей и плечом. Пахнет... как же вкусно пахнет.

Хочется укусить. Прямо в эту выступающую жилку. Оставить метку — вот он мой, не подходите.

Господи, я превращаюсь в какое-то животное. Еще немного, и начну на него мочиться, чтобы пометить.

Когда он опускает меня на кровать, простыни обжигают кожу холодом. Все тело мгновенно покрывается мурашками, соски стягиваются в твердые горошины.

Данте отходит на пару шагов. Стоит и смотрит. Изучает.

В голове начинается паника. Может, он передумал? Понял, что связался с тощей истеричкой? Вспомнил своих пышногрудых красоток из клуба?

К черту это.

Хватаю его за руку, дергаю на себя со всей силы. Он падает. Да, придавливает немного. Да, дышать сложновато. Но это правильная тяжесть. Как утяжеленное одеяло, только лучше.

Наши рты сталкиваются. Жестко, почти больно. Зубы стучатся, но нам плевать. Он рычит мне прямо в губы. Низко, утробно.

О да. Еще таких звуков. Хочу, чтобы он рычал, матерился, был, что угодно, лишь бы из-за меня.

Его руки везде одновременно. Мнут попу, сжимают грудь, скользят по бедрам. У него точно больше двух рук. Иначе как он успевает трогать меня везде сразу?

Обвиваю его ногами, прижимаюсь всем телом. Терпеть больше нет сил, трюсь о его бедро как кошка в марте. Стыдно? Да. Плевать? Абсолютно.

— Твою мать... — он отрывается, смотрит на меня сверху вниз. — Ты хоть понимаешь, что вытворяешь?

Нет, не понимаю. И понимать не хочу. Мозг отключился еще в клубе, когда я ляпнула про замужество. Сейчас мной рулит только тело. А оно хочет одного, чтобы он был внутри. Немедленно.

— По-моему, пора переходить к главному.

Данте приподнимается на руках. В темноте его глаза — две черные дыры в преисподнюю.

— К какому, блядь, главному? Уточни.

Он знает. Конечно, знает. Но хочет услышать. Хочет, что-

бы я выпросила.

— Хочу, чтобы ты меня трахнул. Прямо сейчас.

Сказала. Выдохнула. И даже не покраснела. Прогресс.

Его рот изгибается в усмешке. Он тянется к тумбочке, выдвигает ящик. Шуршание фольги.

— Не надо.

Он замирает. Презерватив в руке, брови сдвинуты.

— Это еще почему?

— Я... я на таблетках.

Ага, таблетках. Витамин С по утрам считается?

— И после тебя... после той ночи... у меня никого не было.

Это уже правда. Стопроцентная, унижительная правда.

Он смотрит на меня долго, изучающе. Пытается вычислить вру или нет?

Наконец швыряет презерватив обратно в ящик.

— Я чистый. Проверяюсь каждый месяц. Всех своих баб тоже заставляю проверяться.

Баб. Множественное число. Супер. Именно то, что хочется услышать, когда лежишь голая под мужчиной.

Глава 12.

— На четвереньки.

Два слова. Всего два, но от них по позвоночнику пробегает электрический разряд — от копчика до самого затылка.

Замираю на секунде, лежа на спине. Может, прикинуться, что не слышала? Или начать спорить? Но потом смотрю на его лицо, и все возражения испаряются.

Переворачиваюсь. Медленно, неуклюже. Встаю на четвереньки, и тут же его ладонь ложится между лопаток.

— Ниже. И задницу выше.

Господи, ну почему он не может сказать это как-то... романтичнее?

Опускаюсь на локти. Прогибаюсь в пояснице, и от этого движения все внутри сжимается в тугий узел предвкушения и страха. Поза унижительная до безобразия — задница торчит, лицо в подушке, абсолютно незащищенная.

Матрас прогибается, когда он устраивается позади. Его руки на моих бедрах. Раздвигает их шире.

И входит.

Одним движением. Резким. До упора.

Мир взрывается белой вспышкой боли.

Не просто боли — агонии. Будто меня распилили изнутри тупой пилой. Или раскаленной кочергой проткнули. Крик застревает в горле, превращается в какой-то животный вой.

Зубы впиваются в подушку, рвут наволочку.

— Блядь... — слышу его выдох над ухом. — Ты же... совсем узкая.

Узкая? УЗКАЯ?!

Хочу ответить что-то язвительное, но из горла вырывается только жалкий скулеж. Слезы текут сами — не от обиды, просто рефлекс на боль. По щекам, на подушку, превращая наволочку в мокрую тряпку.

— Не могу... — выдавливаю сквозь стиснутые зубы. — Данте, вытащи... пожалуйста...

— Дыши. Через нос. И расслабься, а то хуй сломаешь.

Расслабиться? Да я сейчас вся — один сплошной спазм! Каждая мышца внутри судорожно сжимается, пытаюсь вытолкнуть вторженца.

Но он не двигается. Стоит во мне, заполняя до предела. Чувствую каждую чертову вену на его члене, каждый миллиметр. Внутренние органы будто сдвинулись, освобождая ему место.

— Аделина... — в его голосе странная интонация. Не то удивление, не то... удовлетворение? — Ты правда после меня ни с кем?

— Говорила же... — всхлипываю в подушку. — Никого... не было...

— Пять лет?

— Да.

— Охуеть.

И тишина. Только наше дыхание — мое рваное, всхлипывающее, и его тяжелое, прямо мне в затылок.

Проходит минута. Может, две. Острая, режущая боль постепенно притупляется. Превращается в тупую, ноющую. Потом и она отступает, оставляя странное ощущение — будто меня наполнили до краев, растянули изнутри.

И тут он начинает двигаться.

Медленно выходит — почти полностью, оставляя только головку. Секундная пауза. И обратно — плавно, но неумолимо.

О... черт...

Это уже не больно. То есть больно, но как-то иначе. Будто больное место массируют — неприятно, но в то же время... правильно?

— Вот так... — бормочет он. — Умница...

Его рука скользит по моему боку, огибает талию, спускается к животу. Ниже. Находит клитор. И начинает растирать. Медленно, круговыми движениями, в ритм своим толчкам. И черт... черт-черт-черт... это работает. Напряжение внизу живота трансформируется во что-то другое. Горячее. Пульсирующее.

— О-ох... — вырывается у меня.

— То-то же.

Он ускоряется. Совсем чуть-чуть, но я чувствую разницу. Трение внутри становится... не то чтобы приятным, но уже точно не мучительным. А его пальцы творят что-то невооб-

разимое с моим клитором.

Вторая рука запутывается в моих волосах. Не дергает — просто держит, контролирует.

Начинаю подаваться назад, навстречу его толчкам. Сначала неуверенно, потом смелее. И... о господи... под этим углом он задевает что-то внутри. Что-то, от чего искры перед глазами.

— Данте... Данте, блин... — язык заплетается, мысли разбегаются. — Что ты... как ты...

— Нравится? — в его голосе слышится ухмылка.

— Да... нет... не знаю... — честный ответ.

Потому что это странная смесь всего — остатки боли, нарастающее удовольствие, унижение от позы, возбуждение от его голоса, от того, как уверенно он меня берет.

Темп нарастает. Уже не медленно, а размеренно, глубоко. Его бедра встречаются с моей задницей с мокрым шлепком. Раз. Два. Три. Устанавливается ритм.

Вцепляюсь в простыни, кусаю подушку и принимаю все, что он дает. А дает он... много. Глубоко. До самой матки, кажется.

Пальцы на клиторе ускоряются, движения становятся более требовательными. Внутри все скручивается в тугую пружину.

Мышцы внутри начинают пульсировать, сокращаться волнами. Это неконтролируемо, инстинктивно.

И меня накрывает. Не просто оргазм — цунами. Волна за

волной прокатывается по телу, выгибая спину, вырывая из горла долгий, протяжный стон. Или крик? Я уже не различаю.

Данте ускоряется до невозможного. Долбит меня как отбойный молоток — быстро, жестко, до звездочек в глазах. Кровать ходит ходуном, изголовье колотится о стену.

Его движения становятся рваными, хаотичными. Еще три глубоких толчка — он вбивается до упора, замирает. Чувствую, как пульсирует его член внутри, как горячее заполняет меня. Много. Господи, как же много.

Мы оба обмякаем. Я падаю на живот, он наваливается сверху, придавливая своим весом. Дышать тяжело — и от его тяжести, и от того, что легкие забыли как работать.

Данте скатывается с меня, и сразу становится холодно. Слышу, как он встает. Шаги удаляются в сторону ванной. Журчание воды.

Вот и все? Использовал и пошел мыться?

В груди разливается такая обида, что хочется завывать. Или резать ему чем-нибудь тяжелым. Лежу, уткнувшись лицом в мокрую от слез подушку.

Хотелось бы... не знаю. Чтобы обнял. Поцеловал. Сказал что-нибудь типа "ты была потрясающей". Хотя кого я обманываю. Данте скорее удавится, чем скажет что-то романтическое.

Но он возвращается.

С мокрым полотенцем в руках.

— Перевернись.

Послушно переворачиваюсь на спину. Ноги сами собой падают в стороны — сил держать их вместе нет.

Он садится между моих ног. И начинает вытирать. Аккуратно, почти нежно. Теплое полотенце скользит по внутренней стороне бедер, собирая всю влагу — пот, смазку, его сперму.

От этой неожиданной заботы у меня ком в горле. Он откладывает полотенце, ложится рядом. Притягивает меня к себе, укладывает головой на грудь. Под ухом стучит его сердце. Размеренно, спокойно. Мое все еще скачет как бешеное.

— Спи давай, — бурчит в макушку.

— Угу.

Закрываю глаза. Под боком тепло. Пахнет им.

Засыпаю с дурацкой улыбкой на лице.

Глава 13.

Данте

Усмехаюсь. Наивная. Думает, два поворота ключа спасут ее от меня. Будто я не вышибу эту дверь одним плечом, если приспичит.

Иду в гостиную с полувставшим членом, неудобно болтается при ходьбе. Да и хрен с ним.

Панорамные окна встречают утренним Манхэттенom. Красиво, блядь. Как на открытке.

Жена.

У меня были бабы. Сотни, если честно. Модели с ногами от ушей, актриски с силиконом во всех возможных местах, дорогие шлюхи, которые знали, когда открыть рот, а когда заткнуться. Приходили, отрабатывали, исчезали. Система налаженная, без сбоев.

А эта...

Эта тощая пьяная дурочка умудрилась за одну ночь разьебать всю систему. Теперь она миссис Марчелли. С моим кольцом, которое я сам нацепил. С моей фамилией в документах. С моими проблемами в нагрузку.

Телефон вибрирует на барной стойке. Марко.

— Чего? — голос сиплый, горло дерет.

— Босс, тут такая хуйня... — голос у него нервный. — Эрнандо звонил. Хочет пересмотреть условия.

Растираю лицо ладонью. Мозги еще в тумане.

— Конкретнее, Марко. У меня нет настроения разгадывать ребусы.

— Полтора ляма за кило. Говорит, федералы прижали, каналы перекрыли, риски выросли.

— Этот жирный колумбийский пидор совсем берега попутал?

— Я ему так и сказал. Ну, помягче немного. Он уперся — либо новая цена, либо ищите другого поставщика.

Блядь.

— Встречу организуй. Послезавтра, восемь утра, старые доки. Посмотрим, как он в глаза мне это впаривать будет.

— Понял. И еще кое-что...

По интонации чувствую — сейчас будет весело.

— Не тяни.

— Твоя матушка в курсе про свадьбу. Ждет вас с женой сегодня на ужин. В восемь.

Мать... Конечно, она пронюхала. У этой женщины информаторов больше, чем у ЦРУ.

— Что ты ей ответил?

— Что передам. Она была в таком настроении, что я решил не спорить. Извини, босс.

— Правильно решил. Скажи, что придем.

Отключаюсь. Иду на кухню, врубаю кофемашину. Эспresso — единственное, что может привести меня в чувство после такого начала дня.

Из ванной доносится шум воды. Все еще моется. Или прячется. Скорее второе.

Мог бы зайти. Места в душевой кабине хватит на двоих. Прижать к стеклянной стенке, задрать ногу на поручень...

Не, нахрен. С утра пораньше истерики не хочется. А она точно будет, если я зайду.

Набираю ресторан.

— Мистер Марчелли! — девочка на том конце чуть не захлебывается от восторга. — Как всегда?

— На двоих сегодня. Полный набор — омлет, блинчики, фрукты. И кофе покрепче.

— Будет через полчаса!

Понятия не имею, что она ест. Видел только, как мартини хлещет. Худая как скелет. Надо откормить. А то трахать неудобно, везде кости.

Дверь ванной открывается. Клубы пара вываливаются в коридор.

И она.

В полотенце. Волосы мокрые, прилипли к плечам. Вода стекает по шее, собирается в ложбинке между ключиц.

Красота.

Она скользит мимо, изображая, что меня не существует. На цыпочках крадется к спальне, придерживая полотенце. При каждом шаге край задирается, мелькает бледная ягодича.

Пальцы сами сжимаются. Так и хочется подойти, сдернуть

эту тряпку, развернуть спиной к себе...

— Завтрак через полчаса.

Она подпрыгивает как ужаленная. Даже не оборачивается, шмыгает в спальню.

Понятно. Протрезвела и теперь недотрогу изображает. Вчера под мартини "люблю-хочу-навсегда", а утром — я девочка приличная, не смотри на меня.

Классика бабского поведения.

Через двадцать минут из спальни доносится шарканье. Выползает.

Твою ж мать набекрень.

На ней футболка с полинялым Микки-Маусом, которая висит как на вешалке. Джинсы в дырках — коленки торчат, бледные, костлявые. Волосы... это вообще не волосы, а воронье гнездо.

Выглядит, как те девки, что за пять баксов сосут в перелуках. А у меня все равно встает. Член тупой, ему похуй на эстетику.

— Садись, — киваю на стул.

Она плюхается, скрещивает руки на груди. Всем своим видом демонстрирует, какая она обиженная и несчастная.

Курьер уже притащил еду — раскладываю контейнеры на столе. Омлет, блинчики, какие-то фрукты в сиропе. Она смотрит на все это великолепие и морщит нос.

— Не голодная.

— Я не спрашивал голодная ты или нет. Ешь.

Она берет вилку, отковыривает микроскопический кусочек омлета. Жует так, будто это картон.

— Где мой телефон? — спрашивает, не глядя на меня.

— На столике в гостиной. После завтрака возьмешь.

— Мне надо на работу позвонить. Предупредить, что задержусь.

— И где работаешь?

Поднимает на меня взгляд.

— В галерее. В Сохо. Помощник куратора.

В голосе гордость проскальзывает. Это ее территория, ее маленькая независимость.

— Помощник куратора, — повторяю. — Звучит важно.

— Это интересная работа! — оживляется. — Мы сейчас готовим выставку современного искусства. Молодые художники из...

— Ты там больше не работаешь.

Замолкает на полуслове. Вилка застывает в воздухе.

— Что?

— Ты меня слышала. С этого момента твоя галерея обходится без тебя.

Проходит секунда. Две. Три.

А потом она взрывается.

Вилка с грохотом летит на тарелку. Стул опрокидывается. Она вскакивает, глаза полыхают синим пламенем.

— ТЫ СОВСЕМ ОХРЕНЕЛ?!

Голос бьет по ушам. Громко. Эмоционально. Красиво.

Щас кончу, от ее злости.

— КТО ТЫ ТАКОЙ, ЧТОБЫ РЕШАТЬ ЗА МЕНЯ?! ЭТО
МОЯ ЖИЗНЬ! МОЯ РАБОТА!

Черт, как же мне это нравится.

Глава 14.

Встаю медленно. Обхожу стол, не спеша.

— Я твой муж, — говорю спокойно, почти лениво. — Это значит, что теперь правила устанавливаю я. Где тебе работать, с кем общаться, когда дышать. Усвоила?

Ее лицо проходит весь спектр — от шока до бешенства за долю секунды.

— Муж? — в ее голосе столько яда, что можно травить крыс. — Эта бумажка, которую мы подписали, если мы вообще что-то подписывали, не дает тебе никакого права распоряжаться моей жизнью.

Она тянется к столу. Хватает первое, что попадает под руку. Нож для масла. Тупой, бесполезный. Направляет на меня острием.

Стою. Жду. Внутри все сжимается в предвкушении. Что она выкинет дальше? Кинется? Попытается ткнуть?

— В моем мире, принцесса, брак — это когда жена сидит дома и не задает лишних вопросов.

— Ну так возвращайся в свое средневековье! А я останусь в двадцать первом веке!

Нож все еще в ее руке. Смешно. Будто котенок когти выпустил — вроде и царапнуть может, но скорее себе навредит.

— Ты понимаешь, что я могу отобрать у тебя эту зубочистку быстрее, чем ты моргнешь?

— Попробуй!

Блядь, да она серьезно. В глазах такая решимость, что член в штанах начинает проявлять интерес. Вся краснеет, дышит тяжело, грудь вздымается под этой уродской футболькой.

Делаю шаг к ней. Медленный, размеренный. Она отступает, но упирается задницей в стол.

— Что, Аделина? Будешь меня резать? За то, что не пускаю на работу в твою богадельню?

— Это не богадельня! Это галерея современного искусства!

— Где ты за копейки перекладывала бумажки и улыбалась снобам, которые покупают говно в рамке за миллионы.

Рука с ножом опускается. Не сразу, медленно.

— Я любила эту работу...

— И что? Я люблю виски двадцатилетней выдержки, но если надо, пью и дешевое пойло.

Нож летит на пол с грохотом. Она обхватывает себя руками, будто холодно.

— Знаешь что? К черту. К черту тебя, к черту этот брак, к черту все!

Пытается протиснуться мимо меня, но хватаю за запястье. Не больно — просто фиксирую.

— Никуда ты не пойдешь.

— Отпусти!

— Нет.

Дергается. Я держу. Она дергается сильнее, второй рукой бьет меня по груди. Удары слабые, беспорядочные.

— Отпусти!

Перехватываю обе ее руки, прижимаю к себе. Теперь она полностью обездвижена — могу держать ее запястья одной рукой, пока второй...

— Ты сама ко мне пришла, — напоминаю прямо ей в лицо. Чувствую ее дыхание на своей коже. — Напилась и заявила, что хочешь замуж. Я дал тебе, что хотела. Не нравится — твои проблемы.

— Я была пьяная! Это не считается!

— Считается. У нас есть свидетели, документы. Ты теперь миссис Марчелли, нравится тебе или нет.

Телефон на столе начинает вибрировать. Джулия. Та самая, которая на прошлой неделе сосала мне в машине.

Аделина косит глазом на экран. Ее лицо каменеет.

— Ответь, — говорит ровным тоном. — Давай, не стесняйся. Скажи своей подружке, что занят. Или нет, лучше пригласи ее. Устроим тройничок.

Вот это поворот. Тройничок, значит...

Отпускаю ее руки, беру телефон. И на ее глазах сбрасываю вызов. Потом открываю контакты.

— Смотри внимательно.

Джулия — удалить. Моника — удалить. Кристал — удалить. Вероника — удалить. Одна за другой, методично.

Аделина наблюдает с открытым ртом.

— Зачем ты это делаешь?

— Потому что я не изменяю жене.

Она прислоняется к столу, трет виски.

— И долго продержишься? Неделю? Месяц?

Подхожу к ней вплотную. Она не отступает.

— Это мое дело. Твое — быть хорошей женой. И не выебываться.

Она открывает рот для очередной тирады, но я обрываю:

— Хватит. Иди приведи себя в порядок. Через час выезжаем.

— Я никуда не поеду!

Молча смотрю на нее. Не моргая. Она пытается выдержать мой взгляд, но через пару секунд сдается. Отводит глаза.

— Аделина. Давай по-хорошему.

Громко сглатывает. Аж слышно, как в горле булькает. Молча кивает и уходит в спальню. По дороге хватает со стола свой телефон.

Достаю телефон, набираю Марко.

— Босс?

— Галерея в Сохо, где работала моя жена. Позвони туда. Скажи — Аделина Марчелли больше не работает. Семейные обстоятельства. Кинь им полтинник за неустойку, чтоб не выебывались.

— Сделаю.

— И еще. Составь список — все галереи, музеи, аукционные дома города. Обзвони лично. Или пусть Роберто зай-

мется. Сообщение простое — Аделину Марчелли на работу не брать. Никуда. Даже уборщицей. Это личная просьба семьи Марчелли. Кто ослушается — получит проблемы. Капитальные проблемы.

— Понял, босс. Организую.

Глава 15.

Аделина

Телефон в руке липкий от пота. Экран размазан отпечатками пальцев. Я его уже раз десять разблокировала и снова блокировала. Готовлюсь морально.

Заусенец на большом пальце сам в глаза лезет. Дергаю. Кожа отрывается с мясом, выступает капелька крови. Больно, зато хоть отвлекает от цифр на экране.

«Мама» — двенадцать пропущенных. «Кристина» — семь. И снова «Мама» — еще три.

Открываю сообщения. Первые еще вежливые: «Аделина, где ты?» «Позвони, пожалуйста»

А дальше — прогрессия истерики: «**НЕМЕДЛЕННО ОТВЕТЬ!!!**» «Аделина Мари Росс, ты совсем с ума сошла?!» «Твой отец уже хочет в полицию звонить!»

Ну да, конечно. Папа и полиция — это как я и высшая математика. Теоретически возможно, но на практике — фантастика. Он сейчас небось в гараже прячется, делает вид, что карбюратор чинит. А мама режет овощи для своего вечного диетического супа и попутно обзванивает всех знакомых с рассказом, какая я неблагодарная дрянь.

Кристина тоже отметилась: «Ты хоть понимаешь, что устроила? У меня завтра примерка платья! Подружки невесты должны быть **ВСЕ!**»

Ах да, святая примерка. Как же я могла забыть. Мир же рухнет, если я не буду стоять два часа, пока Крис вертится перед зеркалом в белом безобразии за пять тысяч баксов.

Дверь распахивается так резко, что я подскакиваю. Телефон чуть не выскальзывает из рук.

Данте. Стоит в дверном проеме, и от одного его вида внутри все сжимается. Не от страха — ну, не только от страха. От чего-то еще, чему я пока название подобрать не могу.

— Что делаешь? — он кивает на телефон.

— Читаю материнские признания в любви.

Подходит в три шага. Телефон исчезает из моих рук так быстро, что я даже охнуть не успеваю.

— Эй! Верни!

— Посмотрим, что там у нас... — он скроллит сообщения, брови ползут вверх. — О, какая трогательная забота.

Вскакиваю с кровати, тянусь к его руке. Бесполезно — он просто поднимает телефон выше. Я едва ему до плеча достаю, а он еще и руку задрал.

— Отдай! Это мой телефон!

— Был твой. Теперь наш. Как и все остальное в этом браке.

Подпрыгиваю, пытаюсь выхватить. Он даже не шевелится, только ухмылка становится шире.

— Знаешь что? — он снова смотрит в экран. — Твоя машина прямо-таки рвется узнать, где ты. Думаю, не стоит томить бедную женщину.

Все внутри обрывается и летит в тартарары.

— Нет. Данте, нет. Не надо!

— Почему? Стыдно за мужа? Или за поспешную свадьбу?

— Я сама им скажу! Когда буду готова! Это же моя семья!

— Которая тебя, судя по сообщениям, обожает просто,

— его пальцы уже порхают по экрану. — Так, что тут написать... «Привет, мамуля. Вышла замуж. Не волнуйтесь. Целую». Лаконично и информативно.

— Ты спятил?! — бросаюсь к нему, но он просто отступает на шаг, продолжая печатать. — У нее сердце больное! И давление! И... и вообще!

— Тем более. В шоковом состоянии меньше вопросов задаст.

Нажимает «отправить». Все. Конец света запущен.

Три секунды тишины.

А потом телефон взрывается. Входящий звонок — «Мама». Данте сбрасывает, даже не глянув.

Сразу же сообщение, которое он зачитывает: «ОТВЕЧАЙ НЕМЕДЛЕННО!!!»

Еще одно: «ЧТО ЗНАЧИТ ВЫШЛА ЗАМУЖ?!»

И понеслось: «Это шутка?» «Аделина Мари Росс, я сейчас инфаркт получу!» «КАК ТЫ МОГЛА?!» «Кристина в истерике!» «Она же старше! Должна была первой!»

Данте читает вслух, смакуя каждое слово: — «Ты специально! Назло сделала! Всегда все портишь!»

В груди что-то обрывается и больно бьется о ребра. Я зна-

ла, что мама отреагирует именно так. Не «ты счастлива?», не «кто он?», не «почему так внезапно?». Нет. Главная претензия — я посмела выскочить замуж раньше золотой Кристины.

— Развлекся? — голос срывается. — Получил свою порцию семейной драмы?

— Вполне, — он небрежно кидает телефон на кровать. — Ты почему ещё не одета? Выезжаем через десять минут.

— Куда это?

— Сюрприз. И без возражений, принцесса. Не то сам одену. И мне похуй, что ты там будешь вякать.

Вжимаюсь в угол заднего сиденья. Кожа прилипает к голым ногам, надела первое попавшееся платье, даже колготки не натянула.

Молчание такое густое, что хоть ножом режь. Данте уткнулся в телефон, что-то печатает. Его пальцы летают по экрану.

— Мы вообще куда? — не выдерживаю. — На склад трубы закапывать? Или сразу на дно Гудзона?

Он отрывается от экрана, и в уголке рта появляется ухмылочка.

— Творческое мышление, однако. Но нет. Сегодня культурная программа — шопинг.

Что?!

Я так резко выпрямляюсь, что башкой чуть стекло не про-

била.

— Ай... — растираю макушку. — Шопинг?

— Угу.

— У меня есть одежда!

— У тебя есть барахло с блошиного рынка. Моя жена не будет ходить как бомжиха.

Машина тормозит у бутика.

— Вылезай.

— Может, ну его? — цепляюсь за сиденье. — Это же деньги на ветер...

Он наклоняется ко мне. Близко. Так близко, что чувствую запах его парфюма — что-то дорогое, с нотками табака и кожи. Мозги мгновенно отключаются.

— Слушай внимательно, через шесть часов мы едем на ужин к моей матери. Розалинда Марчелли — это тебе не твоя мамочка с истериками. Это баба, которая трупы в подвале прятала и улыбалась гостям наверху. Если ты заявишься к ней в своих драных джинсах, она тебя сожрет. Буквально. У нее в молодости был такой фетиш.

Стоп. Что?

Мать. Ужин. Сегодня.

В животе что-то ухает и проваливается вниз. Кажется, это были мои внутренности.

Я помню, как Кристина привела домой своего первого парня. Бедняга. Папа устроил ему такой допрос, что парень сбежал еще до десерта. А мама... мама просто сидела и улы-

балась. И комментировала. "Ой, а манеры-то какие... А работа-то какая... А семья-то..."

И это были мои родители. Обычные люди. А встреча с мамой мафиозного босса... Это же... это же...

— Она правда...

— Шучу, — он отстраняется. — Про каннибализм шучу. Но сожрет морально — это точно. Так что вылезай из машины, пока я не вытащил тебя за шкуру.

— Волшебное слово?

Не знаю, откуда во мне эта наглость. Наверное, когда страшно до усрачки, мозг включает режим "а пошло оно все".

Данте снова наклоняется. Его губы почти касаются моего уха, и от его дыхания вся кожа на шее покрывается мурашками.

— Вылезай из ебаной тачки, принцесса. Достаточно волшебного?

Ну... технически это было вежливо. По меркам Данте, прямо галантно.

Глава 16.

Кондиционер дует прямо мне в лицо, и я чувствую, как соски под тонким платьем превращаются в две болезненные точки. Ну нельзя же так морозить людей! Это бутик или морг?

За мраморной стойкой восседает... существо. По-другому не скажешь — лицо натянуто, губы надуты, брови застыли где-то у линии волос. И вся эта конструкция сейчас раздевает Данте взглядом. Медленно, смакуя. От ботинок до макушки и обратно, с остановкой на ширинке.

Господи, да она же мысленно его уже на этой стойке разложила!

— Мистер Марчелли! — ее голос взлетает на октаву выше. — Какая честь! Давно вас не видела!

Она выплывает из-за стойки, виляя бедрами так усердно, что я всерьез переживаю, и вдруг что-нибудь вывихнет? В ее возрасте такие па опасны для здоровья.

— Габриэлла, — Данте даже не смотрит на нее. — Полный гардероб для моей жены. Качественно и быстро. У нас час максимум.

Бац.

Я практически слышу, как у Габриэллы в голове что-то ломается. Брови пытаются нахмуриться, но ботокс держит оборону. Рот приоткрывается, демонстрируя идеальные ви-

ниры.

И тут ее взгляд переползает на меня.

О, этот взгляд. Вердикт написан у нее на лбу крупными буквами:

"Что эта нищесборка забыла в моем храме моды?"

— Жены? — она выдавливает это слово, как будто оно ей горло царапает. — Конечно, мистер Марчелли! Для вашей... жены. Девочки! Элиза! София! Живо сюда!

Из глубины магазина выползают два манекена. Одинаковые прически, одинаковые улыбки, даже моргают синхронно.

— Проводите миссис Марчелли в VIP-зону, — командует Габриэлла, и я слышу, как она давится моей новой фамилией.

Меня подхватывают под локотки и практически волокут вглубь магазина. Ноги едва успевают.

— Присаживайтесь, мадам, — усаживают в кожаное кресло. — Начнем с определения вашего стиля. Что предпочитаете? Классику? Кэжуал? Может, бохо-шик?

Бохо-шик? Это вообще что? Звучит как диагноз.

— Я предпочитаю удобные вещи. В которых можно нормально двигаться.

Они синхронно морщатся, будто я предложила одеваться в мешки из-под картошки.

— Удобные, — Габриэлла растягивает это слово, как жвачку. — Что ж... посмотрим, что можно сделать с... ваши-

ми параметрами.

Первое, что на меня натягивают белая блузка с черной юбкой-карандашом. В этом я похоже на скучную офисную мышь. Или библиотекарьшу из тех фильмов, где она потом снимает очки и становится красоткой. Только у меня очков нет.

Выхожу из примерочной. Данте сидит в кресле, уткнувшись в телефон.

— Следующее, — бросает он, даже не подняв головы.

Супер. Спасибо за внимание, дорогой муж.

Тащусь обратно. Следующий наряд — платье цвета морской волны. О, это мне нравится! Садится идеально, талия на месте, цвет освежает лицо. В нем я почти красивая.

Выхожу с надеждой, что сейчас точно одобрят.

Данте отрывается от телефона. Смотрит две секунды.

— В этом цвете ты как утопленница. Выбросить нахуй.

Что?!

В ушах начинает звенеть. Утопленница?

Консультантки уже несут следующее. И следующее. И еще.

Розовое платье — "инфантильное дерьмо".

Бежевый костюм — "собралась в гроб лечь?"

Синий комплект — "скучно".

С каждым его комментарием во мне что-то закипает. Желудок скручивается в тугой узел, в горле першит от сдерживаемых слов. Хочется схватить ближайшую вешалку и запу-

ститъ ему в эту самодовольную рожу.

— У нас есть кое-что особенное из новой коллекции, — блондинка выносит что-то на вытянутых руках.

Беру. И чуть не роняю.

Это не платье. Это... недоразумение. Декольте начинается где-то у пупка, спины вообще нет, а подол... какой подол? Там его хватит максимум прикрыть самое необходимое.

— Я в этом не выйду.

— Мистер Марчелли специально просил что-нибудь... провокационное.

Провокационное? Да это порнографическое!

Но спорить бесполезно. Влезаю в это безобразие. Дорогая шлюха. Вот кто я в этом платье. Даже не пытающаяся притвориться приличной. Поворачиваюсь. Попа практически голая, только тонкая полоска ткани.

Мама бы инфаркт получила. Кристина бы от зависти по-зеленела. А мне просто хочется завернуться в занавеску и сбежать.

Выхожу мелкими шажками, шаг больше, и все вывалится наружу.

Данте откладывает телефон. Взгляд ползет по мне. От шеи к груди, ниже, к бедрам, задерживается на ногах.

— Повернись, — голос стал ниже на октаву.

— Обязательно?

— Аделина. Повернись. Хочу видеть задницу.

Ну конечно, задницу. Что еще его может интересовать.

Я поворачиваюсь. И да, специально покачиваю бедрами. Пусть смотрит, придирчивый мудака. Надеюсь, у него там джинсы по швам трещат от напряжения.

Чувствую его взгляд, он прожигает дырку где-то в районе копчика. Тишина затягивается. Потом слышу, как скрипит кожа кресла, он встает.

— В примерочную. Живо.

Практически бегу обратно, ныряю в кабинку. Руки трясутся, когда стаскиваю это красное безобразие. Швыряю в угол.

Дверь распаивается без стука. Данте входит, и маленькая примерочная мгновенно становится клаустрофобно тесной. Он занимает все пространство — весь воздух, весь свет, всё.

Щелчок замка звучит как выстрел.

Мы заперты. В коробке два на два метра.

И я в одном белье.

Глава 17.

Руки инстинктивно летят к груди, бесполезный жест, он же меня уже всю глазами облизал.

— Выйди! Там же... там продавщицы...

— И хуй с ними.

Он делает шаг ко мне. Еще один. Моя спина встречается с холодным зеркалом. Деваться некуда, я зажата между стеклом и стеной мышц.

Его рука ложится на мою талию. Пальцы ледяные на моей горячей коже. От контраста внутри что-то взрывается тысячей искр. Легкие забывают свою работу.

— Данте... — пытаюсь собрать мысли в кучу. — Нас услышат...

— Пусть слушают, — он наклоняется к моей шее, его дыхание обжигает вчерашний засос.

А потом... Господи... Его язык ведет дорожку от ключицы вверх. Медленно, смакуя. Добирается до уха.

— Ммм...

Блин, это я простонала? Вслух?

Зубы прихватывают мочку, легонько тянут. У меня подкашиваются колени — буквально. Хватаюсь за его плечи, чтобы не сползти.

Так, Аделина, соберись! У тебя есть гордость! Достоинство! Ты не из тех, кто...

А, к черту. Я таю. Превращаюсь в желе под его руками.
— Хватит... пожалуйста...

Упираюсь ладонями в его грудь. Но вместо того чтобы толкать, пальцы начинают поглаживать. Чувствую мышцы сквозь рубашку...

И тут он отстраняется.

Стою, хлопаю глазами. В голове пустота. Что случилось?

Уголок его рта ползет вверх. Медленно, издевательски.

Сволочь! Он специально! Завел меня, а теперь стоит и наблюдает.

— Одевайся.

Разворачивается к двери.

— И это всё? — вырывается раньше, чем успеваю прикусить язык.

Оглядывается через плечо. В темных глазах пляшут черти.

— А что, мало? Могу продолжить. Но тогда ты отсюда часа два не выйдешь. И ходить будешь... криво.

Щелчок замка.

Остаюсь одна. Хочется его догнать и... врезать по яйцам? Или вцепиться в волосы и потребовать продолжения?

Черт. Второй вариант хочется сильнее.

Выползаю из примерочной через пять минут. Пришлось посидеть на пуфике, восстановить дыхание. Лицо еще горит, но хотя бы не пунцовое. А вот между ног всё пульсирует и

ноет.

Данте у кассы, опять в телефон уткнулся. Продавщицы вокруг него выются. Блондинистая вообще боком прижимается, грудью по локтю елозит.

— Красное берем, — бросает он, не отрываясь от экрана. — Бордовое тоже. В нем задница охуенная. И черное — пригодится.

Вот это комплимент. Прямо слезы радости.

— Раз ты такой эксперт, — язык опережает мозг, — может, и белье мне выберешь? Чтоб задница еще охуеннее была?

Зачем я это сказала?!

Он поднимает глаза. В них мелькает что-то хищное.

— Отличная идея. Пошли.

У меня челюсть отваливается.

— Это была шутка! Ты в курсе, что такое шутки?

— В курсе. Но твои трусы с единорогами — это не шутка, а криминал. Так что топай за мной, принцесса.

С пони они! С милыми пони!

Но сейчас не время защищать честь моего белья. Сейчас время паниковать — Данте уже направляется к выходу.

Он реально собрался выбирать мне трусы.

Господи, за что?

Глава 18.

Стою посреди этого кружевного бордака и чувствую себя девственницей на порносъёмках. Справа — корсеты с таким количеством шнуровки, что пока застегнешь, помрешь от старости. Слева — манекены в стрингах, которые и стрингами-то назвать язык не поворачивается — просто ниточка для зубов с претензией на белье.

А передо мной...

Господи, что это за хрень? Черная кожаная конструкция с кольцами, цепочками и ремешками. Для особо извращенных, видимо.

Хватаю первый попавшийся комплект. Три ниточки, соединенные узлом. Кручу в руках — где тут зад, где перед? Может, это вообще не белье, а... не знаю, упряжь для чихухуа?

— Запуталась?

Подскакиваю так резко, что кружевная дребедень разлетается веером. Данте стоит в полуметре, в руках держит что-то красное и настолько микроскопическое, что проще голой ходить.

— Слушай, можно мне что-нибудь... человеческое? — киваю на его находку. — Ну, чтобы попа хотя бы наполовину была прикрыта? А то я на сквозняке простужу все свои женские прелести.

— Нет.

Разумеется. Глупо было надеяться.

— Ты в курсе, что от таких стрингов геморрой бывает? — последняя попытка воззвать к разуму. — Ниточка же прямо в... короче, врезается туда, куда не надо.

— Помажу кремом.

У меня мозг делает кульбит. Он только что предложил мазать мне задницу от геморроя?

Продавщица материализуется рядом.

— Могу я вам помочь? У нас потрясающая коллекция от La Perla...

— Она разберется, — Данте даже не смотрит в ее сторону.

Его взгляд прожигает во мне дыру где-то в районе солнечного сплетения. В общем, я сгребаю первое попавшееся и ныряю в примерочную как ошпаренная.

Кабинка размером с гроб, зеркала со всех сторон — куда ни глянь, везде моя бледная тушка в разных ракурсах.

Стаскиваю платье.

Беру черный кружевной. Застежка сзади, четыре крючка размером с рисовое зернышко. Выкручиваю руки, тычу пальцами куда попало. Первый крючок — мимо. Второй — зацепила, но не за ту петлю. Третий вообще куда-то провалился.

Наконец справляюсь. Поворачиваюсь к зеркалу.

Блин.

Это... это же я? Грудь, конечно, не пышные холмы Паме-

лы Андерсон, но в этом лифе она хотя бы существует. Приподнята, оформлена, даже ложбинка какая-то наметилась.

Стринги... Спереди треугольник из кружева, который прикрывает ровным счетом ничего, все мои интимные кудряшки просвечивают. Поворачиваюсь задом — тонкая ниточка исчезает между ягодицами.

Ощущение... специфическое. Будто кто-то засунул мне зубную нить в задницу и забыл вытащить.

— Ты там в кому впала?

Дергаюсь, хватаюсь за стенку.

— Все нормально! — голос предательски дрожит. — Просто... э-э... размер подбираю!

— Тебе помочь?

О нет. Нет-нет-нет. Представляю, как он заходит сюда. Как его руки ложатся на мою талию, разворачивают к зеркалу. Как его дыхание обжигает шею, а пальцы скользят по кружеву...

Так, стоп. Между ног и так уже тропический климат, не надо усугублять.

— Сама справлюсь!

Судорожно стягиваю белье, натягиваю свое платье. Нет уж, демонстрировать ему это порно-шоу я не готова.

Выползаю из кабинки. Данте прислонился к стене, скрестив руки на груди.

— И где то, что мерила?

— Не подошло, — вру с невинными глазами. — В груди

жмет.

Он медленно отлипает от стены. Шаг. Еще один. Я инстинктивно пячусь, пока спина не встречается с дверью примерочной.

— Пиздишь.

— Нет! Seriously, маленькое! Кровообращение нарушает!

— Аделина.

Когда он так произносит мое имя с рычанием у меня все внутренности превращаются в желе.

— Иди обратно. Надень то, что мерила. Покажешь мне.

— Это обязательно?

— У тебя три минуты. Потом я захожу сам. И мне похуй, в чем ты там будешь. Или не будешь.

Ныряю обратно. Три минуты.

Руки трясутся, когда снова натягиваю кружевное безобразие. Лифчик заедает на втором крючке. Стринги встают криво — приходится поправлять, а от этого ниточка еще глубже...

— Время.

Дверь распаивается без стука. Данте входит, и маленькая кабинка мгновенно становится микроскопической.

Стою, не знаю куда деть руки. Хочется прикрыться, но понимаю — бесполезно. Он и так все видит.

Его взгляд медленно скользит от моей шеи вниз. Останавливается на груди. Спускается к животу, где нервно подрагивают мышцы. К бедрам. К треугольнику между ног.

— Нормально выглядит, — наконец роняет он. — Кругом повернись.

Поворачиваюсь. В зеркале вижу, как он подходит ближе. Еще на шаг. Чувствую тепло его тела за спиной.

— Теперь наклонись. Будто шнурки завязываешь.

— У меня туфли без шнурков.

— Не умничай. Делай.

Это унинительно. Это пошло. Это...

Наклоняюсь. Медленно, чувствуя, как кожа натягивается на бедрах. Ладони упираются в колени, задница выпячивается. Я прекрасно понимаю, какую картину сейчас представляю — вид сзади на все мои прелести в этих микроскопических стрингах.

В зеркале ловлю его лицо. Челюсть напряжена, ноздри раздуваются.

А потом мой взгляд скользит ниже...

Мать моя женщина. У него такой стояк, что джинсы вот-вот по швам разойдутся.

Его рука ложится на мою ягодицу. Большая, горячая ладонь накрывает половину задницы. Кожа под его прикосновением вспыхивает, посылая импульсы прямо в клитор.

— Замри, — приказывает, когда я дергаюсь.

Пальцы медленно скользят по коже. Очерчивают контур ягодицы, спускаются к бедру. Находят ниточку стрингов.

Оттягивает. Сильно. Ткань впивается в промежность. А потом отпускает.

Щелк!

— Ай!

Резкая боль прошивает от копчика до клитора. Но через секунду трансформируется в пульсирующий жар.

Выпрямляюсь резко, разворачиваюсь к нему. Между ног горит и ноет одновременно.

— Ты охренел?!

— Проверял эластичность, — он абсолютно спокоен. — Качество нормальное. Берем. Штук десять таких.

— Десять?! Зачем мне десять одинаковых комплектов?

Он делает шаг вперед. Я упираюсь спиной в зеркало — отступать некуда.

— Потому что я буду их с тебя срывать, — его голос становится ниже, грубее. — И рвать. Регулярно. Так что десять — это минимум. Лучше пятнадцать.

Во рту пересыхает. Представляю, как он... Нет, стоп, не надо представлять! Не здесь, не сейчас, когда я в одних стрингах!

— Это же... это же расточительство.

— Мне похуй на деньги, — его взгляд опускается к моей груди. — Поверь, вид твоей задницы в этих стрингах стоит любых бабок.

Глава 19.

Телефон в руках скользкий от пота. Перекладываю его из ладони в ладонь, но толку — обе мокрые насквозь. Вытираю о подол платья, но через секунду снова влажные. Господи, да что ж это такое? Организм решил устроить мне персональный водопад?

— Включай громкую. И не вздумай выключать.

Поднимаю взгляд. Данте сидит, откинувшись на спинку сиденья.

— Серьезно? Мне теперь и с мамой поговорить нельзя без твоего надзора?

— Нельзя. И не ной.

Хочется спорить, доказывать, что это нарушение всех возможных границ. Но какой смысл?

Нажимаю на «Мама». Палец соскальзывает. Еще раз. Блин, да что ж такое! На третий раз попадаю. В животе все переворачивается и встает на место задом наперед. Кажется, мой завтрак решил поиграть в американские горки.

Первый гудок даже не успевает закончиться.

— АДЕЛИНА МАРИ РОСС!

Телефон едва не вылетает из рук. В ушах звенит от маминского крика. Господи, у нее голосовые связки из титана, что ли?

— Привет, мам...

— Не смей мне тут "привет"! — в трубке что-то грохочет. Судя по звуку, она долбанула кулаком по столу. Бедный стол. — Ты вообще в своем уме?! Что за идиотское сообщение?! "Вышла замуж"?! Это что, шутка такая?!

— Это не шутка, мам. Я правда вышла замуж.

— Аделина, хватит дурить! Мне не до твоих выходов! У Кристины через полтора месяца свадьба, мы тут с ног сби-ваемся с подготовкой, а ты...

— Мам, — перебиваю. В горле першит, будто наждачкой прошлись. — Я не шучу. Я вышла замуж сегодня ночью. За Данте Марчелли.

Тишина. Такая плотная, что кажется, можно ножом ре-зать. Слышно только, как мама дышит — шумно, со свистом. Считаю про себя: три, два, один...

— ЗА КОГО, МАТЬ ТВОЮ?!

О, мама матерится. Это плохо.

— За Данте Марчелли. Он владелец ночных клубов, у него несколько заведений в городе...

— Марчелли?! ИТАЛЬЯНЕЦ?! — голос взлетает до ультразвука. Даже Данте морщится. — Господи боже... Святая дева Мария... Аделина, ты что, с мафией связалась?!

Данте откровенно давится смешком. Откидывает голову на подголовник, трясется от беззвучного хохота. Я пинаю его по голени. Он даже не морщится, сволочь.

У мамы с итальянцами особые отношения. Она всех "Крестных отцов" наизусть знает, "Клан Сопрано" пересмат-

ривала раз двести. И теперь любой итальянец для нее — это гангстер с пушкой под мышкой и коллекцией отрезанных ушей в морозилке.

Забавно, что в случае с Данте она попала в яблочко. Пушка у него точно есть. Насчет ушей не уверена, но что-то мне подсказывает, что и такое в его биографии найдется.

— Мам, успокойся. Он бизнесмен. Легальный бизнес, налоги платит, все дела.

— Ночные клубы! — мама переходит на новый виток истерики. — Это притоны! Там проститутки! Наркотики! Господи, что скажет Марго?! А миссис Петерсон?! Я же теперь в церкви показаться не смогу! Отец Патрик меня из храма выгонит!

— Мам...

— И вообще, как ты могла?! Без благословения родителей! Без нормальной свадьбы! Кристина первая должна была выйти замуж, она старше! Ты специально, да?! Назло сделала?!

— Я не специально, мам. Просто так получилось.

— Так получилось?! ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ?! Замужество не может "просто получиться"! Ты что, беременная?!

— Нет! — выпаливаю слишком быстро. Краем глаза вижу, как Данте поворачивает голову в мою сторону. — Я не беременная, мам.

Слышно, как мама пыхтит, набирая воздух для новой тирады.

— Завтра. Семь вечера. Приезжайте. Оба. Хочу на этого... мужа посмотреть. И чтоб прилично оделись! Не как в прошлый раз, когда ты в рваных джинсах на день рождения тети Глории заявила!

Смотрю на Данте вопросительно. Он кивает — типа, поедем, не вопрос.

— Хорошо, мам. Приедем.

— И еще, Аделина... — голос становится приторно-сладким. У меня от этого тона мурашки по спине. — Ты в порядке? Он тебя не бил? Не угрожал? Если что не так, скажи кодовое слово. Помнишь наше кодовое слово?

Кодовое слово. "Бабушкин пирог". Мы его придумали, когда мне было двенадцать и я боялась хулиганов по дороге из школы. Ни разу не пригодилось.

— Мам, все хорошо. Никто меня не заставлял. Я сама так решила.

— Дай бог, чтоб правда... Жду завтра. И чтоб он был презентабельный! А то мало ли что соседи подумают!

Гудки. Телефон выпадает из онемевших пальцев, шлепается на кожаное сиденье.

Откидываю голову назад, закрываю глаза. Виски пульсируют. После разговоров с мамой у меня всегда ощущение, будто меня через мясорубку пропустили. Дважды. А потом еще блендером для верности.

— Занятная у тебя мамаша, — голос Данте вырывает из мыслей.

Открываю глаза. Он смотрит на меня с каким-то странным выражением. Не насмешка, не жалость. Что-то другое.

— О да. Само очарование.

— Она тебя не любит.

Вот так. Без подготовки, без анестезии. Прямо скальпелем по живому, да еще и провернул для верности.

Хочется возразить, закричать, что он не прав. Что мама любит, просто по-своему, просто не умеет показывать. Но слова застревают где-то между желудком и горлом комом из колючей проволоки.

Потому что он прав. И мы оба это знаем.

— Не то чтобы не любит, — голос дрожит, противно так.

— Просто... я не оправдала ожиданий. Она хотела идеальную дочь. Красавицу, умницу, которая удачно выйдет замуж за врача или юриста. А получила меня.

— И что в тебе не так?

Смотрю в окно.

— Я приемная, — выпаливаю это быстро.

— И?

Поворачиваю голову. Он смотрит на меня без тени удивления. Будто я сказала, что небо синее.

— И все. Мама с папой меня удочерили, когда поняли, что своих детей у них больше не будет. А мама так мечтала о двоих...

— Биологических родителей знаешь?

— Мать умерла при родах. Отец... — развожу руками. —

Призрак. Может, вообще не знали, кто он. Может, знали, но решили не афишировать. В общем, сирота в квадрате.

Не знаю, зачем я ему это рассказываю. Может, потому что он не будет сочувствовать. Не полезет обнимать и говорить "все будет хорошо". Данте вообще не из тех, кто утешает.

Его рука вдруг накрывает мою. Просто берет и переплетает наши пальцы, будто это абсолютно нормально. Ладонь горячая, шершавая, с мозолями на подушечках. И такая большая, что моя в ней теряется.

Дергаюсь от неожиданности.

— Что ты делаешь?

— Держу тебя за руку. Не очевидно?

— Нет, я понимаю, что ты делаешь. Я не понимаю — зачем?

Он поворачивается ко мне всем корпусом. В темных глазах пляшут черти.

— Затем, что ты моя жена. А я защищаю то, что мое. Кто-то косо посмотрит — глаза выколю. Слово плохое скажет — язык вырву. Пальцем тронет... — он делает паузу, сжимает мою руку чуть сильнее, — тогда я устрою такое, что дьявол заплачет от зависти.

О боже. Это что, его версия романтического признания? "Я буду калечить людей ради тебя, дорогая"?

Но почему-то от этих слов внутри становится тепло. Наверное, я тоже не совсем нормальная.

Его большой палец начинает чертить круги на моих ко-

стяшках. Медленно, почти нежно. От этого простого прикосновения по руке бегут мурашки, поднимаются к плечу, расползаются по всему телу.

В детдоме я мечтала, что меня кто-нибудь заберет. Сначала представляла доброго дядю с конфетами и игрушками. Потом, когда подросла — прекрасного принца. На белом коне, с замком и "долго и счастливо".

Смешно. Принцев не существует. По крайней мере, не для таких, как я.

Зато есть Данте. Он точно не принц. Скорее тот самый дракон, от которого принцы спасают принцесс. Который деревни сжигает, золото копит, девственников похищает. У которого подвал забит скелетами, а руки по локоть в чужой крови.

Сжимаю его пальцы в ответ. Крепко, до хруста в суставах. Он усмехается краешком губ и продолжает вычерчивать свои круги.

Глава 20.

Данте

Щелк... щелк... щелк.

Зажигалка между пальцами. Зрелище передо мной — определенно из разряда занимательных.

Аделина воюет с молнией платья уже минут десять. Минимум. Стоит перед зеркалом в гардеробной, изгибается под такими углами, что йоги бы позавидовали. Левая рука заведена за спину снизу, правая — сверху через плечо. Пальцы никак не могут ухватить собачку молнии.

Платье — темно-синее, почти черное. Обтягивает все, что можно обтянуть. Особенно задницу, когда она вот так выгибается. Ткань натягивается, открывая контур трусиков.

Мог бы помочь еще пять минут назад. Но зачем портить себе удовольствие?

— Да что ж ты за зараза такая... — бормочет, делая очередную попытку дотянуться.

Встаю с кресла. Подхожу сзади, останавливаюсь в сантиметре от нее. Кладу руки на ее плечи. Она подскакивает.

— Давай помогу.

— Я... я почти справилась...

— Ага. Еще часок, и точно справишься.

Беру собачку молнии, тяну вверх одним движением. Готово.

Но руки не убираю. Веду ладонями по ее плечам, чувствую, как кожа покрывается мурашками.

— Нервничаешь?

— А ты как думаешь?

Отпускаю ее, иду к комоду. Достая бархатную коробочку из верхнего ящика.

— Держи.

Протягиваю ей. Она смотрит на коробочку как на гранату без чеки.

— Что это?

— Открой и узнаешь.

Берет. Медленно открывает. И замирает.

Колье. Черные бриллианты на белом золоте. Центральный камень — карат на двадцать, не меньше. Вокруг россыпь поменьше, но общий эффект... Даже при тусклом свете гардеробной эта штука сияет как созвездие.

— Это... это слишком, — она поднимает на меня взгляд.

— Данте, это же... Господи, сколько это стоит?

— Не твоя забота. Поворачивайся.

Она прикусывает губу. Потом медленно поворачивается ко мне спиной, поднимает волосы.

Шея открывается — тонкая, бледная. Видно, как пульсирует венка под кожей. Расстегиваю замок, обвожу кольцо вокруг ее шеи.

Защелкиваю замок. На затылке бьется венка.

Пальцы задерживаются на теплой коже. Что если сжать?

Не сильно, просто почувствовать, как учащается пульс...

— Красиво, — шепчу ей в ухо.

В лифте она жметя в угол, будто пытается слиться со стенкой. Клатч в руках сжимает так, что слышно, как трещит кожа. Еще немного — и либо сумочка развалится, либо пальцы сломает.

— Эй, — толкаю ее плечом. — Выдохни. Это просто ужин.

— Ужин с твоей матерью, — она нервно сглатывает. — А что, если она меня отравит? Или...

— Максимум подсыплет слабительное в вино. Так что не пей ничего, что она тебе нальет.

Аделина застывает. Потом медленно поворачивает ко мне голову.

— Это шутка? Пожалуйста, скажи, что это шутка.

Пожимаю плечами. Какая к черту шутка? Розалинда реально так делала. Правда, лет семнадцать назад, когда папаша притащил домой очередную секретаршу. Блондинка потом неделю от унитаза не отлипала.

Двери открываются. Марко ждет у выхода, телефон прилип к уху.

Выталкиваю Аделину из лифта — она вцепилась в косяк, пришлось поддать коленом под зад.

— Ай! — возмущается она. — Можно было просто попросить!

— Можно. Но так быстрее.

Закрываю глаза, откидываюсь на спинку сиденья. Во рту появляется знакомый металлический привкус — всегда так перед встречей с матерью. Будто кровь чувствую.

Три года. Три гребаных года я не переступал порог ее дома. Только деньги переводил — на ремонты, которые она затевает каждые полгода, на шмотки от кутюр, на молодых хахалей, которых меняет как перчатки.

Но в памяти всплывает другое.

Мне восемь. Стою в гостиной нашего дома. Отец притащил какого-то мужика — связанного, с кляпом во рту, кровь течет из разбитого носа.

— Смотри внимательно, сынок, — говорит отец, протягивая мне нож. Маленький, складной, с перламутровой рукояткой. — Это крыса. Предатель. Таких убивают.

Нож холодный в детской ладони. Тяжелый, хоть и маленький.

— Давай, Данте. Прямо сюда, — отец показывает на горло связанного. — Один быстрый взмах.

Руки трясутся. Нож выскальзывает, звякает об бетонный пол. Отец молча поднимает его, и сам, одним движением...

Кровь хлещет фонтаном. Брызги попадают на ковер, персидский, мамин любимый. Она потом орала час. Не из-за трупа. Из-за ковра.

— Данте? — голос Аделины выдергивает из воспомина-

ний. — Ты в порядке?

Открываю глаза. Она смотрит на меня с беспокойством.

— В полном, — бросаю коротко.

Марко сворачивает на Пятьдесят седьмую. Мамин особняк сияет новыми золотыми колоннами, в прошлый раз были мраморные. И сколько я за это "обновление" заплатил? Миллион? Два?

— Господи, — выдыхает Аделина. — Это что, дворец?

— Это понты, — поправляю. — Дорогие и безвкусные понты.

Она поворачивается ко мне:

— Может, все-таки развернемся? Скажем, что машина сломалась?

— Поздно.

БМВ останавливается у парадного входа. Вижу, как Аделина судорожно вцепляется друг в друга руками.

— Дыши глубже, — командую. — А то грохнешься прямо на пороге.

Она делает глубокий вдох. Такой глубокий, что слышно, как свистит воздух в легких.

— Я правда не умею с такими людьми, — шепчет она, пока Марко открывает дверь. — Я скажу что-нибудь не то. Или сделаю. У твоей мамы наверняка есть миллион правил этикета, а я даже вилки правильно держать не умею...

— Да заткнись ты уже, — обрываю ее панику. — Ты уже облажалась по полной, когда за меня замуж вышла. Дальше

хуже не будет.

— Спасибо, — сухо отвечает она. — Очень воодушевляет.

Дверь распахивается еще до того, как мы поднимаемся по ступенькам. Розалия. Моя старшая сестра во всей красе.

— О, братец, — тянет она с фальшивой радостью. — И с... — пауза, во время которой она окидывает Аделину оценивающим взглядом, — спутницей.

— Женой, — отрезаю.

Лицо Розалии становится еще более кислым, хотя казалось бы куда уж больше.

— Ах да, женой. Мамочка вся в предвкушении. Особенно после того, как узнала... — она делает театральную паузу, — подробности.

Мои пальцы инстинктивно сжимаются на запястье Аделины. Какие, блядь, подробности?

— Проходите, — Розалия отступает в сторону. — Все уже в сборе. Ждут главных героев вечера.

Тащу Аделину внутрь, пока она таращится на интерьер. Статуи голых баб, картины со святыми, у которых почему-то тоже все наголо, золотая лепнина на потолке. Безвкусица уровня "я богатая, смотрите все".

— ДАНТЕ!

На нас несется розовый смерч. Валентина — младшая сестра, единственная нормальная из всего выводка. Виснет

у меня на шее, чуть не сшибая с ног.

— Сто лет не виделись! — тараторит она прямо в ухо.

— Ты в среду приходила в клуб, — напоминаю, отдирая ее от себя.

— Ну и что? Это было целых... — загибает пальцы, — три дня назад! Вечность! Ой, а это кто? Это она? Это правда? Ты женился?!

Слова из нее выстреливают пулеметной очередью. Аделина шарахается назад.

— Да, женился. Да, это она. Аделина, знакомься — Валентина. Предупреждаю сразу, у нее нет кнопки "выкл".

— Ой, какая милашка! — Валентина хватается Аделину за руки, разглядывает как диковинную зверушку. — Худенькая такая! Тебе надо больше кушать! И какое платье красивое! И колечко... О БОЖЕ, КАКОЙ КАМЕНЬ!

— Вал, заткнись, — рычу.

— А что? Я просто... Ой, вы уже того? В смысле, спите вместе? А детки будут? Я хочу племяшек! Можно мне выбрать имя? Если девочка, пусть будет Аврора! Или Жизель! Или...

Приходится зажать ей рот ладонью. Она мычит что-то неразборчивое, глаза возмущенно сверкают.

— Никто не беременный. Никаких детей. И вообще, где мать?

Отпускаю ее. Валентина хватается ртом воздух.

— В столовой! И она в настроении! Сегодня Бруно чуть

канделябром не получил за то, что кофе остыл. Представляешь? Бедный Бруно еле увернулся!

Охуенно. Мать в своем репертуаре.

— Пошли, — команду Аделине.

Она плетется за мной как на эшафот. Что, в общем-то, недалеко от истины. Ужин с моей матерью — это хуже пыток. Там хоть знаешь, чего ожидать.

Глава 21.

Толкаю дубовую дверь плечом.

В столовой полный аншлаг. Тетя Франческа со своим вечным кислым лицом. Кузен Джованни — тот вообще только жрать приходит на семейные сборища. Розалия в углу что-то шепчет Валентине. И еще с десятков рож из дальней родни, которые вылезают из своих нор только когда пахнет скандалом.

А в центре этого балагана — мать. Сидит у камина как на троне. Спина — будто аршин проглотила. Новое платье от какого-то там кутюрье за пятьдесят косарей минимум. И лицо... Мать твою, она опять к хирургу ходила. Левая бровь теперь миллиметра на три выше правой.

Ее взгляд сначала на меня — секунду, не больше. Потом сразу на Аделину. Ноздри раздуваются, будто принюхивается.

— Надо же, блудный сын вспомнил дорогу домой.
Подхожу ближе.

— Мам. Вижу, ты опять молодеешь. Новый доктор? Или старый наконец научился держать скальпель ровно?

Левый глаз у нее дергается. Последняя операция явно прошла через жопу.

— Остроумие унаследовал от отца, — она встает, платье шуршит по мрамору. — Он тоже любил язвить.

Подходит ближе. Не ко мне — к Аделине. Обходит ее по кругу.

— И кто же это? — делает паузу, смакует момент. — Очередная шлюшка из твоих клубов? Или подешевле взял — с улицы?

Рука сама ложится Аделине на талию. Притягиваю ближе, чувствую, как она вся напряглась.

— Моя жена.

— Жена? — мать растягивает слово, будто дерьмо на языке перекачивает. — Вот как. И давно ты женат, сынок?

Ох, ты ж актриска...

— С прошлой ночи. Не стали тянуть с формальностями.

— Как... мило. Ночная свадьба. В каком-то захудалом офисе, надо полагать? Или прямо в борделе оформили, раз уж там познакомились?

Аделина вдруг делает шаг вперед. Протягивает матери руку.

— Аделина Росс... простите, Марчелли теперь. Рада познакомиться, миссис Марчелли.

Вот это да. Моя тощая мышка решила показать зубки.

Мать смотрит на протянутую руку как на кусок дерьма. Секунда... две... пять... десять...

Шея у Аделины начинает краснеть — сначала пятнами, потом сплошным румянцем. Но руку, упрямая дура, не убирает.

На двадцатой секунде краснота добирается до ушей. На

тридцатой мать наконец открывает рот:

— Росс? — игнорирует протянутую руку напрочь. — Это из каких же Россов? Бостонские? Те хотя бы с деньгами. Или филадельфийские — у тех вроде судоходная компания была?

— Я из Бруклина. Обычная семья, — Аделина наконец опускает руку.

— Бруклин... — мать цокает языком. — Ясно. Официантка? Нет, погоди, дай угадаю. Стриптизерша в одном из клубов Данте. Там таких амбициозных девочек — пруд пруди. Готовы на все ради денег.

— Я работала в галерее. Помощником куратора.

— Работала — в прошедшем времени. Конечно. Теперь можно не вставать с постели до обеда. Тратить деньги мужа на шмотки и ждать, когда он соизволит заглянуть домой, — мать поворачивается ко мне. — Если доживет до этого момента. Ты ей рассказал, чем занимаешься? Или она думает, что вышла замуж за владельца ночных клубов?

В висках начинает пульсировать. Знакомое ощущение — еще немного, и я не сдержусь.

— Заткнись.

— Я просто хочу убедиться, что девочка понимает, куда вляпалась. Наши жены долго не живут, Данте. Помнишь Джулию? Милашка-блондинка, жена Марио. Где она сейчас, не напомним?

— Хватит, я сказал.

Голос срывается на рык. В столовой мгновенно становится тихо — даже официанты замерли со своими подносами.

— Ладно-ладно, — мать отступает на шаг. — Не кипятись. Садитесь вон там, — машет в дальний конец стола. — Поужинаем по-семейному.

Веду Аделину к указанным местам. Слышу, как за спиной зашептались тетки. «Кто она такая?» «Откуда взялась?» «Совсем мальчик с ума сошел».

Отодвигаю для нее стул. Она садится, я устраиваюсь рядом.

Официанты тут же несут устрицы. Серебряное блюдо, колотый лед, лимоны дольками.

Аделина берет раковину. Крутит в пальцах, явно не зная, с какой стороны подступить.

— Проблемы, дорогая? — это Розалия голос подала. — Ах да, забыла, ты же из Бруклина. Наверное, устрицы для тебя в новинку? Хочешь, покажу, как правильно есть? Или лучше попросим принести что попроще, картошку фри, например?

Щека у Аделины дергается.

— Спасибо, разберусь.

Забираю у нее устрицу.

— Открывай рот.

— Данте, я могу сама...

— Рот открывай. Сейчас.

Она моргает пару раз, но слушается. Приоткрывает губы

— чуть-чуть, неуверенно.

Подношу раковину к ее рту, наклоняю. Устрица соскальзывает внутрь вместе с морской водой. Капля сока стекает по подбородку.

Не удерживаюсь — провожу большим пальцем, собираю каплю. И на глазах у всех слизываю с пальца.

Соль. Йод. И ее помада — что-то ягодное.

Розалия давится воздухом. Хватает воду, делает большой глоток.

— Мерзость, — бормочет себе под нос.

— Данте! — мать стучит вилкой по бокалу. — У нас семейный ужин, а не бордель.

— Разницу иногда сложно уловить.

— Хочу кое-что обсудить, — она игнорирует мою реплику. — Ты уверен в своем выборе? Женитьба с пьяных глаз редко заканчивается хорошо.

— Я был трезв.

Мать аж бокал чуть не выронила.

— Трезв? То есть ты в здравом уме и твердой памяти женился на... — она смотрит на Аделину. — На этом? Кто ее родители? Чем занимаются? Какое состояние?

Чувствую, как Аделина вся напряглась рядом. Кладу руку ей на бедро под столом.

— А может, она вообще из приюта? — в голосе матери появляется ехидца. — Это бы многое объяснило. Сиротки всегда ищут сильное мужское плечо. Папочку, так сказать.

Который будет о них заботиться... и трахать по ночам.

Глава 22.

— Не твое собачье дело, — цежу сквозь зубы.

Мать вскидывает выщипанные в ниточку брови.

— Как это не мое? — голос взлетает, срывается на визг.

— Ты притащил в наш дом черт знает кого! Эта... эта нищесбродка может оказаться кем угодно! Воровкой, которая вычистит семейные счета! Шлюхой с панели!

В висках начинает стучать. Знакомое ощущение, будто кто-то молотком изнутри долбит.

— ...или еще хуже — федеральной крысой! — мать уже брызжет слюной. — Ты хоть проверил ее? Копнул биографию? Или просто член в мозг ударил?

Она окидывает Аделину взглядом с головы до ног.

— На что ты вообще купился? Посмотри на нее! Тощая как селедка. У уличных кошек больше мяса на костях.

Кулаки под столом сжимаются так, что ногти впиваются в ладони. В голове прокручивается одна картинка: встаю, делаю три шага, хватаю мать за ее куриную шею...

— Она моя жена. Конец дискуссии.

Но Розалинда уже понесло. Когда ее прорывает, остановить невозможно. Помню, в детстве она могла орать на отца часами, пока тот не сваливал в подвал — то ли грушу месить, то ли кого-то из должников.

— И сколько продержится этот фарс? — она уже почти

кричит. — Неделю? Месяц? Пока не найдешь очередную дырку посвежее?

— Ты забываешься.

— Это ты забылся! — вилка в ее руке дрожит. Официанты застыли как статуи, гости превратились в соляные столбы. — У тебя договор с Монтенегро! Изабелла два года тебя ждет!

— Монтенегро может взять свою Изабеллу и засунуть себе в жопу. Поглубже.

— ДАНТЕ!

— Что "Данте"? У меня жена есть.

Мать резко поворачивается к Аделине. В глазах — чистая ненависть.

— Сколько? — выплевывает она. — Назови цену. Пять лямов? Десять? Пятнадцать? Выпишу чек хоть сейчас. Бери бабки и вали обратно под свой камень.

Стул с грохотом опрокидывается. Аделина вскакивает. Лицо... мать твою, у нее такое лицо, будто ее по щеке отхлестали. Белое, только пятна на скулах горят. Нижняя губа мелко подрагивает.

— Я... простите... мне нужно...

Слова застревают у нее в горле. Она почти бежит к двери. Вижу, как плечи у нее трясутся. Рука прижата ко рту.

Поворачиваюсь к матери. Начинаю считать — старый отцовский метод. "Досчитаешь до десяти — и можешь убивать с чистой совестью".

Раз — встаю из-за стола.

Два — обхожу его, не отрывая взгляда от материнской морды.

Три — мои пальцы смыкаются на ее тощей шее.

Четыре — сжимаю.

Пять — ее глаза вылезают из орбит.

Шесть — лицо наливается багрянцем.

Семь — язык вываливается.

Восемь — ногти царапают мои руки.

Девять — она обмякает.

Десять — хруст позвонков.

На самом деле я все еще сижу. Но фантазия греет душу.

— Довольна? — голос низкий, опасный.

Мать инстинктивно отклоняется назад. Чует угрозу. Но упрямства в этой стерве больше, чем мозгов.

— Если твоя шлюшка не может выдержать обычный семейный ужин...

— Еще одно слово, — перебиваю. — Одно блядское слово про нее, и я забуду, что ты моя мать. Размажу по стене, как таракана. И мне будет похуй, что ты меня родила.

Встаю. Медленно, контролируя каждое движение.

Валентина вжимается в стул. Розалия прикрывает рот ладонью. Остальные делают вид, что изучают узор на скатерти.

Выхожу. В коридоре прохладно после духоты столовой. Втягиваю воздух.

Где она, черт возьми?

Слышу шум воды. Туалет. Точно.

Дергаю ручку. Заперто.

— Открой.

— Уйди! — голос надорванный, всхлипывающий. — Дай мне... дай мне пять минут...

Обычно бабьи слезы бесят. Но сейчас внутри все переворачивается. Хочется вернуться и устроить в столовой резню. Или выломать эту чертову дверь, притянуть Аделину к себе и...

И что? Утешать я не умею. Нежности — не мой конек.

— Считаю до трех, — прислоняюсь лбом к двери. — Потом вышибаю к хуям. Раз...

— Данте, пожалуйста... — она всхлипывает по ту сторону. — Одну минуту. Я приведу себя в порядок и выйду. Честно.

— Два...

Щелчок замка.

Молодец, девочка.

Глава 23.

Аделина вцепилась в мраморную раковину. Костяшки пальцев белые, будто вся кровь отлила.

Хватаю за плечи, разворачиваю к себе. Нижняя губа у нее вся искусана, в уголке засохшая корочка крови. Глаза опухшие, красные.

Подцепляю пальцами подбородок, заставляю смотреть на меня. Дергается, пытается отвернуться, держу крепче.

— Хватит реветь из-за старой стервы.

— Я не реву, — огрызается она, но голос дрожит.

— Ага, конечно. У тебя просто аллергия на мамины комплименты.

Второй рукой обхватываю ее за талию, притягиваю вплотную. И целую. Без предупреждений, без разрешений, просто впечатываюсь в ее рот. Язык проталкивается между губ, она пытается сомкнуть зубы, но поздно. Чувствую соль слез, металлический привкус крови от прокушенной губы.

Она замирает на секунду, потом пытается оттолкнуть. Бесполезно. Углубляю поцелуй, пока не чувствую, сдается. Позвоночник размягчается, руки перестают упираться в мою грудь.

Отрываюсь. В легких горит, будто выкурил пачку разом.

Разворачиваю ее к зеркалу. Прижимаю спиной к себе.

— Данте, что ты...

Левая рука ложится ей на горло. Не душу — просто держу, чувствую, как колотится пульс под большим пальцем. Правой задираю платье.

Черные кружевные стринги. Те самые, что утром покупали. Тонкая ниточка исчезает между ягодиц.

— Охренительно, — выдыхаю ей в ухо.

Она дергается, пытается вывернуться из моей хватки.

— Отпусти! Они же там... твоя мать... услышат...

— Вечно ты брыкаешься.

Прижимаю ее бедра к раковине. Одной рукой расстегиваю ремень, пряжка звякает в тишине туалета. Молния. Член выскакивает как подпружиненный, яйца уже ноют от напряжения.

— Данте, подожди... я не готова...

— Сейчас подготавливаю.

Провожу пальцами между ее ног. Мокрая. Не просто влажная — течет. Лживая маленькая сучка.

— Не готова, говоришь? — усмехаюсь, проводя головкой по ее входу. — А киска другого мнения.

— Это просто физиология... рефлекс...

— Конечно.

Вхожу одним толчком, до упора. Она вскрикивает. Пытается соскочить с члена, но я держу крепко. Левая рука все еще на горле, правая на животе — чувствую, как напрягаются мышцы под ладонью.

— Дышать не забывай.

— Иди ты... ммм...

Даю ей привыкнуть. Считаю про себя до трех. На четыре начинаю двигаться.

Сначала медленно. Выхожу почти полностью, вхожу обратно. Она постанывает, кусает губы, пытается сдержаться.

— Не молчи.

— Ты совсем... ох... спятил?

— Давно.

Ускоряюсь. Теперь уже всерьез — жестко, глубоко. Бедра шлепают о ее задницу, в туалете эхо. Она больше не сдерживается, стонет в голос.

Рука скользит под платье, нахожу грудь. Маленькая, в ладонь помещается целиком. Но соски твердые как камешки. Кручу один между пальцами.

Перемещаю пятерню с горла вниз, к клитору. Он твердый, набухший. Начинаю растирать круговыми движениями, не сбавляя темп.

Ее накрывает через десять секунд. Выгибается дугой, откидывает голову мне на плечо. Киска сжимается так, что я едва не кончаю следом.

Кусаю себя за щеку изнутри. Боль отрезвляет, дает продержаться еще немного. Она обмякает, повисает на мне. Теперь можно и самому.

Выхожу почти полностью и вхожу до конца. Она всхлипывает каждый раз. Еще пара особенно резких движений — и меня накрывает. Кончаю так, будто из меня душу вытяги-

вают через член.

Замираем. Я навалился на нее, прижал к холодной раковине. В зеркале — картина маслом. Она вся красная, растрепанная, тушь размазана. А я все еще в ней, не хочу выходить. Тепло. Уютно, блядь.

— Господи... — она приходит в себя. — Мы только что... в туалете... пока твоя семья...

— И отлично получилось, — выскальзываю из нее. Сперма сразу начинает вытекать, стекает по бедру. — Теперь мамаша дважды подумает, прежде чем рот открывать.

— Это было... — она ищет слова, глядя на меня в зеркало. — Ты специально? Чтобы им всем показать?

— А то ты не знаешь ответ.

— У меня все течет...

Отрываю бумажные полотенца, протягиваю ей.

— Держи.

— Выйди. Я не могу при тебе...

— После того, что мы только что делали, ты стесняешься потереться?

— Данте!

— Ладно, ладно. Пять минут. Потом выходи.

Застегиваюсь, выхожу в коридор. Прохладно после духоты туалета.

Возвращаюсь к столу. Тишина такая, что слышно, как муха жужжит. Все сидят, уткнувшись в тарелки. Даже Валентина молчит — небывалое дело.

Сажусь. Наливаю вина. Бургундское, хорошего года. Мать умеет выбирать вино, это да.

— Приятного аппетита, — поднимаю бокал.

Розалия роняет вилку. Звон по всей столовой.

— Ты... ты просто животное, — выдавливает мать.

— Это комплимент?

— ДАНТЕ!

Валентина давится водой, кашляет. Розалия вся красная — то ли от злости, то ли от смущения. А вот мать, явно зла.

Дверь открывается. Аделина. Платье поправлено, но видно, что наспех. Волосы влажные. Садится рядом со мной, не глядя ни на кого.

Беру ее руку, переплетаю пальцы. Она вздрагивает, но не отнимает.

И тут звонок в дверь.

Мать вскакивает резко. На ее лице расцветает такая мерзкая ухмылочка. Ох, и не нравится мне это.

— О, наконец-то! — она чуть ли не бежит к двери. — Заждались мы!

В животе неприятно сжимается. Что эта стерва придумала? Кого притащила?

Шаги в коридоре. Цоканье каблуков. И голос матери, приторно-сладкий:

— Изабелла. Проходи, дорогая! Мы как раз ужинаем!

Двери распахиваются.

Изабелла Монтенегро.

Сука. Старая хитрая сука.

Мать ее специально позвала. Специально, чтобы унижить Аделину.

Глава 24.

Аделина

Дверь столовой распахивается, и я физически ощущаю, как воздух в комнате меняется. Становится гуще, слаще, приторно-сладким.

Господи боже. На пороге стоит... блин, как это вообще описать? Будто кто-то взял все мужские фантазии о идеальной женщине, загрузил в 3D-принтер и нажал «печать».

Но меня убивает не это. Меня убивает то, КАК она смотрит на Данте.

Будто раздевает. Нет, хуже, будто уже раздела, оттрахала и сейчас вспоминает, как это было охренительно.

Внутри меня что-то рвется с цепи. Горячая, злая волна поднимается откуда-то из желудка, заливает грудную клетку, бьет в виски. Руки сами тянутся к вилке. Нет, лучше к ножу. Или вон к той бутылке вина, ею удобнее будет бить.

Пальцы Данте впиваются в мое бедро. Не просто сжимают, вдавливаются в кожу. Я прикусываю губу, чтобы не вскрикнуть.

— Изабелла. Проходи, дорогая! Мы как раз ужинаем! — щебечет мать Данте.

Дорогая. Ага. Меня она весь вечер грязью поливала, а для этой... для этой вот красотки сахарный сироп приберегла.

Изабелла движется к столу, и это целое представление.

Бёдра качаются туда-сюда, каблуки отбивают чёткий ритм. Я бы сломала себе все конечности, попытавшись так пройтись.

— Простите за опоздание, — она останавливается прямо напротив нас. — Папа волновался. Знаете, как это бывает — одинокая женщина, поздний вечер...

Ее взгляд скользит к Данте.

— Привет.

Сколько же в этом «привет» всего... "Помнишь, как я стояла под тобой?" "Хочешь повторить?" "Твоя жена рядом, но мне плевать."

В голове вспыхивают картинки. До тошноты детальные. Она на четвереньках перед ним. Он перехватывает её за шею. Она стонет, прогибается, и...

Нет. Стоп. Хватит.

Смотрю на Данте. Он застыл. Полностью. Даже грудь не поднимается при дыхании. Смотрит на Изабеллу, и в его взгляде... ничего. Пустота. Как будто кто-то выключил свет, и остались только темные провалы.

— Садись, милая, — Розалинда жестом указывает на стул. Который, о чудо, оказывается прямо рядом с Данте. — Это Аделина, она...

— Моя жена.

Тишина.

Изабелла замирает с полусогнутыми коленями над стулом. Ее идеально покрашенный рот приоткрывается.

— Твоя... — она медленно опускается на стул. — Жена.

— Белла, неужели ты не слышала? — старшая сестра Данте наклоняется вперед. — Наш Данте женился! Так романтично — ночью, без предупреждения, на какой-то... — пауза, — девочке из ниоткуда.

Изабелла поворачивается ко мне. Улыбается.

— Поздравляю. Ты, должно быть... очень особенная девушка. Раз смогла... заинтересовать Данте.

О, как она старается. Как вежливо всё. Только вот слово "заинтересовать" звучит как "обмануть" или "околдовать".

Хочется ответить. Господи, как хочется! Что-нибудь едкое.

Данте встает. Резко, стул скрипит по паркету. Хватает меня за запястье и дёргает вверх.

— Уходим.

Не "мы уходим". Не "нам пора". Просто — уходим. Приказ.

— Данте, — его мать встает, — десерт еще не подали. Специально заказывала твой любимый...

— Похуй на десерт.

Голос ровный. Спокойный даже. Но Розалинда садится обратно, как будто ее ударили.

Он тащит меня через столовую. Мои ноги путаются в собственных ногах, каблук цепляется за край ковра.

— Машину, — бросает Данте кому-то в холле.

Стоим у дверей. Его пальцы все еще на моем запястье, и я чувствую, как дрожат его руки. Мелко, едва заметно, но

дрожат.

БМВ подкатывает через тридцать секунд, самые долгие тридцать секунд в моей жизни. Данте распахивает дверцу, практически забрасывает меня внутрь. Юбка задирается до неприличия.

— В дом. Быстро.

Водитель кивает и жмет на газ так, что меня вдавливают в спинку сиденья.

Смотрю на Данте. Он откинул голову назад, глаза закрыты. Челюсть ходит желваками, влево-вправо, влево-вправо. И еще он скрипит зубами. Громко. Как будто перемалывает камни.

— Она твоя бывшая?

Открывает один глаз. Смотрит на меня как на идиотку.

— Ты серьезно только что это спросила?

— А что мне еще спрашивать? "Как прошел ужин, дорогой?" Мы оба знаем, как он прошел — хреново. Так что давай сразу к сути.

Садится прямо, разворачивается ко мне всем телом.

— Изабелла Монтенегро. Дочь Антонио Монтенегро — старый хрен, который держит пол-Манхэттена. Моя мать решила, что мы идеальная пара. Два года подкладывала ее мне под нос при каждом удобном случае.

— И ты с ней спал?

Блин, зачем я спросила? Какая разница? Ну спал и спал, что теперь?

Но слова уже вылетели, поздно глотать обратно.

Уголок его рта ползет вверх.

— Ревнуешь?

— С чего бы? — стараюсь, чтобы голос звучал безразлично, но получается жалко. — Просто интересно. Чисто для общего развития.

— Не трахал ее.

О. Ну ладно. Это хорошо. Это даже отлично.

— Но она мне отсасывала. Пару раз. Когда я был в настроении и не было ничего получше под рукой.

Все внутренности делают сальто и приземляются где-то в районе копчика. В горле встает ком размером с кулак.

Представляю: Изабелла на коленях, ее идеальные губы обхватывают... Нет. НЕТ. Не буду я это представлять.

Но мозг — предатель. Подкидывает картинку за картинкой. Вот она расстегивает его ремень. Вот стягивает молнию. Вот наклоняется и...

Машина резко сворачивает. Это не дорога к пентхаусу. Это вообще не дорога к Манхэттану.

— Куда мы едем?

— Домой.

И все. Разговор окончен. Он снова закрывает глаза.

Ну и ладно. Смотрю на свое отражение в темном стекле. Макияж размазался — тушь под глазами, помада съедена. Вспоминаю тот момент в туалете. Холодная раковина под ладонями. Его руки на моих бедрах, сжимают так, что остаются

ся синяки. Резкие толчки, от которых воздух вышибало из легких. И его дыхание прямо мне в ухо.

Ерзаю на сиденье. Между ног становится горячо и влажно от одних воспоминаний.

— Сиди спокойно.

Подскакиваю. Он смотрит на меня из-под полуопущенных век.

— Я спокойно сижу!

— Ага. И думаешь о вышивании крестиком.

— Может, и о вышивании!

Он наклоняется ко мне. Останавливается в сантиметре от моего лица.

— Ты думаешь о том, как я трахал тебя в сортире. Как прижимал к раковине. Как ты царапала мрамор и скулила. И как потом моя сперма стекала по твоим ногам, пока ты пыталась привести себя в порядок.

Лицо вспыхивает. Нет, не лицо — все тело. Я вся горю, от макушки до... до того места, которое сейчас пульсирует и требует внимания.

— Знаешь что? — выпаливаю, пока хватает духу. — Да, я об этом думала! Доволен? И еще думала о том, что ты, наверное, так же прижимал к стенке ту Изабеллу!

Он откидывается назад. Смотрит на меня долго, изучающе.

— Нет.

— Что "нет"?

— Я ее к стенке не прижимал. Она сосала в подсобке клубка, стоя на коленях на грязном полу. А потом я кончил ей в горло и ушел.

О. Ну... это... Не знаю даже, что сказать.

Глава 25.

Машина притормаживает у будки охраны. Фонарик тычется в окно, луч бьет прямо мне в глаза. Морщусь, отворачиваюсь к Данте. У него каменное лицо — даже веко не дрогнуло.

— Проезжайте, мистер Марчелли.

Ворота расползаются со скрежетом. За ними вырастает... черт, как это вообще назвать? Бункер олигарха с манией величия? Три этажа стекла и бетона, подсвеченные снизу.

Машина останавливается. Данте уже на улице, а я сижу, вцепившись в сумочку. Ноги будто к полу приросли.

Дверца распаивается.

— Вылезай, — его голос режет воздух. — Или мне тебя за шкуру вытаскивать?

Заманчивое предложение, честно. Но после сегодняшнего цирка у его матери хочется сохранить хоть каплю достоинства.

Выкарабкиваюсь наружу. Каблуки цокают по брусчатке.

Парадная дверь распаивается. Переступаю порог и...

Мать твою.

Холл забит мужиками под завязку. В костюмах, в футболках, в кожанках, тестостероновая вечеринка в самом разгаре. Дым от сигарет висит в воздухе плотным туманом, режет глаза и горло. Кто-то ржет басом, кто-то матерится, стаканы

звонят.

И это еще не все.

Мимо проплывает девица в красном белье. Стринги врезаются между ягодиц так глубоко, что это уже не белье, а пытка средневековая. За ней — еще одна, в прозрачном пеньюаре. Соски темные, с металлическими кольцами.

У меня челюсть отваливается. Буквально. Приходится сознательным усилием закрыть рот.

— Босс! — детина со шрамом через всю щеку материализуется рядом. — Хуевые новости. Колумбийцы перенесли встречу на завтра, восемь утра, склад в Квинсе.

— Эти ебанные пидорасы совсем охуели? — Данте даже не смотрит на него, взгляд блуждает по холлу. — Мы же блядь договаривались на послезавтра.

— Эрнандо срочно в Колумбию валит.

Данте выдает такую тираду на итальянском, что даже без перевода понятно, там фигурирует чья-то мать в разных позах, чьи-то внутренности и подробная инструкция, куда их засунуть.

— Роберто где? — переключается на английский.

— В кабинете. С документами ебется... э-э, работает.

— Заебись. Леон, — Данте поворачивается к детине, — всех шлюх — на выход. Через час чтобы ни одной суки не было. Понял?

Шлюх. Он сказал "шлюх".

Внутри что-то проваливается и больно бьется о дно же-

лудка. Это бордель. В его доме гребаный бордель.

Данте хватает меня за локоть и тащит через этот балаган. Мимо мелькают полуголые тела, пьяные рожи, руки, которые хватают и лапают...

По лестнице спускается рыжая. Голая как в день рождения. Сиськи подпрыгивают на каждой ступеньке, большие, натуральные, с розовыми сосками. Между ног выбрито все подчистую. Бедра широкие...

Блин, куда смотреть? На нее — неловко. Мимо — тоже как-то подозрительно. Фиксирую взгляд на ее левом ухе. Нейтральная территория.

— Данте, котик! — она виснет на нем, голое тело прижимается к его костюму. — Я тебя весь вечер жду! Думала, не придешь сегодня... У меня для тебя сюрприз есть, помнишь, ты просил, чтобы я с Кларой...

Ее взгляд натывается на меня.

— О, новенькую привел? — она облизывает губы. — Худовата, конечно. Ребра торчат, сисек нет. Но некоторым такое нравится. Извращенцы всякие бывают.

— Это моя жена, — роняет Данте.

Тишина.

Джина застывает с руками на его шее.

— Жена? — она медленно опускает руки. — Но... но мы же... В прошлый четверг ты же...

— Джина. Заткнись, — голос Данте становится тише. — У тебя час. Собирай всех своих курв и валите. Всех — и тех,

кто наверху ебется, и тех, кто в подвале отсасывает. Ясно?

О господи. В подвале отсасывает. Я даже представлять не хочу эту картину.

— Но Данте! — Джина переходит на визг. — Клиенты заплатили! Тони вообще за всю ночь бабки отвалил, специально ту азиатку заказывал...

— Мне похуй на Тони и его азиатскую лихорадку. Бабки верните. А теперь съебалась отсюда.

Джина смотрит на меня. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже лежала в луже собственной крови.

Разворачивается и уходит, специально покачивая голым задом. Левая ягодица, правая ягодица. Гипнотическое зрелище, черт возьми.

Данте тащит меня вверх по лестнице. Ступеньки крутые, я хватаюсь за перила, чтобы не навернуться. Мимо проплывают новые картины разврата. Брюнетка с подносом виски в одних стрингах, блондинка выходит из комнаты, поправляя растрепанные волосы, за ней мужик застегивает ширинку...

Коридор тянется бесконечно. Двери по обеим сторонам, из-за некоторых доносятся... звуки. Стоны, шлепки, скрип кроватей.

Данте останавливается у последней двери, достает ключ. Замок щелкает, и мы внутри.

— Раздевайся.

Моргаю. Может, ослышалась?

— Что, прости?

— Платье снимай. Сейчас.

Вот так? Без "привет, как дела", без "тяжелый был вечер"?

— Слушай, может, сначала обсудим сегодняшний цирк?

— киваю в сторону двери. — Твоя мама, Изабелла, теперь вот это... Я немного в шоке, если честно.

— Нет.

Он даже не смотрит на меня, стягивает пиджак, аккуратно вешает на стул. Расстегивает манжеты рубашки.

— Я устала. Голова раскалывается после твоей матери. Может, просто спать ляжем?

Глупо это говорить. Очень глупо. Потому что Данте поворачивается, и в его глазах...

Там бездна. Черная, вязкая, готовая поглотить все живое.

Он подходит. Останавливается так близко, что я чувствую запах злости. Да, оказывается у злости есть запах.

— У меня был хуевый вечер, — господи, от его голоса мурашки маршируют по позвоночнику строем. — Мать устроила цирк с Изабеллой. Колумбийские пидорасы хотят задрать цены вдвое. И сейчас...

Он наклоняется, его губы почти касаются моего уха. Горячее дыхание обжигает кожу.

— Сейчас у меня два варианта, принцесса. Либо я выебу тебя так, что ты неделю ходить не сможешь. Либо еду к кое-кому и вышибаю мозги. А может, и не одному. Выбирай.

Язык прилипает к небу. Он не шутит. Ни капли иронии в голосе. Он реально сейчас сядет в машину, поедет и убьет

кого-то. И единственное, что может его остановить...

— Ну... — пытаюсь облизнуть губы, но слюны нет. — Убийство... это как-то... хлопотно? Кровь отмывать, алиби придумывать. Да и карма, знаешь ли...

Жалкая попытка пошутить. Очень жалкая.

— Практично мыслишь.

Его руки ложатся на мои плечи, разворачивают спиной. Пальцы находят молнию, медленно тянут вниз. Каждый зубчик отдается электрическим разрядом где-то под ребрами. Прохладный воздух касается спины, кожа мгновенно покрывается мурашками.

— Сама снимешь, — его губы обжигают мочку уха. — Или мне помочь?

Стягиваю платье с плеч. Ткань скользит по телу, цепляется за бедра. Приходится поерзать, чтобы протолкнуть его ниже. Наконец падает к ногам.

Стою в черном кружевном белье, которое купили сегодня.

Его палец прочерчивает линию вдоль позвоночника.

— Блядь, ты вообще жрешь что-нибудь? — останавливается между лопаток. — Или фотосинтезом питаешься?

— Ем! Просто метаболизм быстрый.

— Метаболизм, — его рука спускается ниже, ложится на ягодицу, сжимает. — Новые правила. Завтрак, обед, ужин — полноценные. Никаких перекусов. Карла будет готовить, ты будешь есть. Все до последней крошки.

— Ты что, моей мамой заделался? Будешь ложечкой кор-

мить?

— Если придется — буду. И за каждый пропущенный прием пищи... — он не договаривает, но его рука красноречиво сжимает мою задницу сильнее.

— Почему в твоём доме шлюхи? — вопрос вырывается сам. Не могу больше молчать об этом слоне в комнате. — Целый гребаный бордель!

Он отстраняется, обходит меня, садится на край кровати.

— Садись, — похлопывает по месту рядом.

Подхожу, сажусь. Матрас проваливается под его весом, я скатываюсь ближе к нему.

— У меня работает человек сорок. Молодые, горячие, с яйцами полными тестостерона. Им трахаться надо регулярно, иначе крышу сносит. Вариантов два — либо они ебутся здесь, с проверенными девками, чистыми, под моим контролем. Либо шлются по улицам, цепляют бог знает кого. Подхватят сифилис — это еще полбеды. А если федералы подсунут свою сучку? И какой-нибудь долбоеб влюбится, начнет секреты сливать?

Логично. Мерзко, цинично, но логично.

— И ты... — сглатываю ком в горле. — Ты часто ими пользовался?

— Было дело.

Два слова, а будто ножом по сердцу.

— Но это в прошлом, — добавляет он, читая мои мысли. — Теперь только ты. Твоя костлявая задница, неумелый ро-

тик и вечно мокрая киска.

Господи, ну почему он не может сказать что-то нормальное? Типа "я буду хранить тебе верность". Но нет, у него все через жопу.

— Как романтично, — фыркаю.

— Я не романтик, принцесса. Я прагматик. И сейчас прагматично хочу тебя выебать до потери сознания.

Глава 26.

Пальцы Данте возятся с застежкой лифчика. Металлические крючки никак не поддаются. То ли руки у него слишком большие для такой ювелирной работы, то ли нетерпение мешает.

— Блядская штукавина, — бормочет он мне в затылок.

Наконец слышу щелчок. Черное кружево слетает куда-то вбок. Холодный воздух бьет по голой коже. Соски мгновенно превращаются в два болезненных узелка. Как будто кто-то приложил к ним кубики льда и держит, садист.

А потом его ладони. Горячие до ожога, шершавые. Мою грудь он накрывает полностью, она просто исчезает в его ладонях.

Сжимает. Не нежно, мнет как тесто, перекачивает в ладонях. Черт, это странное ощущение. Вроде и неприятно, грубо же, без всякой нежности. Но внутри что-то отзывается на эту грубость, скручивается в тугую спираль где-то внизу живота.

Большие пальцы находят соски, прокручивают их. Голова откидывается назад, натывается на его плечо. Чувствую, как он дышит мне в шею, потом зубы скребут по коже, оставляя дорожку из мурашек.

Резкий толчок, и я лечу на кровать. Спина шлепается о простыни. Пахнет каким-то агрессивным кондиционером с

претензией на альпийскую свежесть. Точно не его запах. Он тут не спит, это гостевая спальня что ли?

Мысли обрываются. Данте стягивает рубашку через голову. Мышцы на спине играют. Черный дракон на лопатке извивается, будто живой.

Ремень. Пряжка звякает. Кожа выскальзывает из шлевок. Брюки падают.

Господи боже и все святые. У него задница как у греческой статуи. Только греческие статуи не покрыты шрамами. Вон один через всю правую ягодицу тянется, белый уже, старый.

Подходит к тумбочке, выдвигает ящик. Приподнимаюсь на локтях, вытягиваю шею. Что он там достает?

О черт.

Черт-черт-черт.

Наручники. Не эти дурацкие с розовой опушкой из секс-шопа. Настоящие, полицейские, металл тускло поблескивает.

Внутри все проваливается куда-то к пяткам.

— Это... это зачем? — голос подводит.

— Для удобства, — он стягивает боксеры, и я на секунду забываю о наручниках. Потому что... ну... внушительное зрелище.

— Чьего удобства?!

— Моего, разумеется.

Подходит ближе, наручники позвякивают в его руке.

— Переворачивайся.

Переворачиваюсь. Медленно, демонстративно неохотно. Сердце колотится так, что, кажется, матрас подо мной вибрирует.

Данте перехватывает мои запястья, заводит за спину. Щелк — левое. Щелк — правое. Металл холодный, тяжелый. И тугой, не то чтобы больно, но и пошевелиться особо не дает.

Что-то гладкое и прохладное касается моей попы. Кожа?
— Это что?

— Увидишь. Вернее, почувствуешь.

И тут — удар. Не сильный, но резкий, неожиданный.

— Ай! Предупреждать надо!

— Где же сюрприз тогда?

Еще удар, по другой ягодице. Кожа горит. Но через секунду жжение превращается в странное тепло, расплзается волнами.

— Это ремень, — поясняет Данте. — Тот самый, на который ты пялилась.

— Я не пялилась!

Очередной удар, посильнее.

— Нет?

— Просто... ай!... смотрела!

Он выбивает ритм на моей заднице. Раз-два-три-четыре. И где-то после шестого удара происходит странная штука... боль перестает быть просто болью. Она трансформируется

во что-то другое, горячее, тягучее. Скапливается внизу живота тяжелым комком.

— Красиво цветешь, — его ладонь накрывает пылающую кожу.

Зубы! Он кусает прямо в горящую от ударов кожу. Я ору.

— Ты совсем охренел?!

— Давно, — соглашается и кусает вторую ягодичу.

Его пальцы скользят между моих ног, поднимаются по внутренней стороне бедра. Добираются до трусов.

— Кто-то потек от порки.

— Это не от порки!

— А от чего?

— От... от жары!

— Конечно. Жара. В комнате с кондиционером.

Палец надавливает через ткань точно на клитор. Легко, но меня прошивает током от макушки до пяток.

— Черт... Данте...

— Что, принцесса?

— Сними их. Трусы сними.

— Вежливо попроси.

— Пожалуйста, твою мать, сними!

— Ну раз так вежливо...

Стягивает трусы одним движением. Прохладный воздух бьет по разгоряченной влажной коже. Его пальцы сразу там... скользят, исследуют, собирают влагу.

Один палец внутри. Я шумно выдыхаю.

— Тихая какая-то ты сегодня.

— А что... ммм... что ты хочешь? Чтобы я оперные арии пела?

— Хотя бы стонала как вчера.

Второй палец присоединяется. Растягивает, ищет внутри что-то. Находит.

— О черт! Вот! Да!

— То-то же.

Массирует эту точку, от которой перед глазами белые вспышки. Я пытаюсь подаваться навстречу, но со связанными руками это квест еще тот.

И вдруг — пустота. Пальцы исчезают.

— Эй! Ты чего?!

— Подожди.

Слышу какое-то жужжание. Выворачиваю шею, пытаюсь посмотреть.

Мать честная.

В его руке вибратор. Черный. Размером с... с... даже сравнения не подберу.

— Это не влезет! — паникую.

— Спорим?

— Данте, я серьезно! Это же...

— Расслабься, — он устраивается позади меня. — И дыши. Главное — не зажимайся.

Глава 27.

Данте

Что-то колет в ребра. Волосы. Ее чертовы волосы везде. На подушке, на моей груди, даже во рту каким-то хером оказались. Выплываю прядь, морщась от привкуса ее шампуня.

Приоткрываю один глаз. Лежит поперек кровати, нога закинута на меня, рука где-то в районе моего паха. И задница... Мать твою, эта задница. Вся в алых полосах от вчерашнего.

Выползаю из-под нее по миллиметру. Она мычит что-то невнятное, тянется за мной, но промахивается и обнимает подушку. Простыня сбивается в комок у ее ног.

Сажусь на край кровати, натягиваю джинсы. Футболка где-то в районе двери валяется. Подбираю, нюхаю, нормально вроде.

На кухне Винченцо. Жрет прямо из банки арахисовое масло, сидя на столешнице. Ноги болтаются, пятками бьет по шкафчику.

— Босс! — чуть не давится, увидев меня. — Думал, еще дрыхнешь.

— А я думал, ты в подвале со своими железками ебешься.

— Уже отъебался. Двести жим лежа выдал, личный рекорд! — гордо выпячивает грудь.

Лезу в холодильник. Вода, остатки вчерашней пиццы, что-

то зеленое в контейнере. Хватаю воду.

— Где народ?

— Леон с Анджеоло внизу, пушки перебирают. Вчера партию новых глоков привезли, надо проверить. Марко... — Винченцо пожимает плечами. — Хрен его знает. С утра пораньше свалил куда-то.

Спрыгивает со стола, и я вижу свежую татуху на его бицепсе. Череп в розах. Банально до усрачки.

— Че, нравится? — замечает мой взгляд. — Четыре часа вчера торчал у мастера! Ни разу не пикнул.

— Охуенная история.

Дверь распахивается, входит Леон. Тащит целый поднос стволов.

— О, босс проснулся! Готов к колумбийцам съездить?

— Через полчаса выезжаем. Марко где, я спрашиваю?

— Да вот же я.

Марко в дверях, телефон прижат к уху. Лицо хмурое — плохие новости, судя по всему.

— Ага, понял. Держи в курсе, — отключается. — Босс, тут... Короче Карло Лучано вчера с Пескаторе встречался. В их районе, на Статен-Айленде.

Ставлю бутылку на стол. Пескаторе — мелкие сицилийские шакалы. Сами по себе не опасны, но если объединятся с Лучано...

— Сколько народу было?

— Человек десять с каждой стороны. Просидели в ресто-

ране три часа.

— Оружие покупает?

— Хуже. Альянс предлагает. Мои люди слышали — Карло обещал ему кусок Бруклина, если поможет "восстановить честь семьи Лучано".

В кухне становится тихо.

Семья Лучано — это старая история. Пятнадцать лет назад отец вырезал половину их солдат за попытку взорвать наш ресторан. Потом пристрелили и отца — на ступеньках церкви Святого Антония, прямо после мессы. С тех пор Лучано затаились, зализывали раны. А теперь, похоже, решили вернуться в игру.

— Лаззаро где?

— Хрен знает. Последний раз засветился в Милане три месяца назад. С тех пор — тишина.

Лазарь...

В голове всплывает картинка: мы с ним, двенадцатилетние долбоебы, сидим на ржавой пожарной лестнице за китайской прачечной. Делим украденную пачку "Мальборо" и бутылку дешевого виски.

Лазарь выпускает дым кольцами, у него это всегда лучше получалось.

"Когда вырастем, — говорил он, — покажем этим старым пердунам, как дела делать надо. Без этой средневековой херни с вендеттой."

Ага, показали.

- Поставь хвост за Карло. Круглосуточно.
- Уже. Паоло с тремя парнями дежурят.

Глава 28.

Аделина

Мокрые волосы липнут к плечам, с кончиков капает прямо на мрамор. Полотенце на груди держится на честном слове и одном несчастном узелке, который вот-вот развалится.

Ну где мои шмотки?!

Комнату я уже перерыла. Заглянула под кровать — там только пыль и чей-то забытый презерватив в упаковке, надеюсь, не использованный. Шкаф... О, шкаф — это отдельная песня. Нет, одежды там нет и в помине.

Кожаные плетки висят аккуратными рядами. Наручники — холодный металл до сих пор помню на запястьях. Какие-то ремни с пряжками и кольцами — даже думать не хочу, куда их пристегивают. И палка. Длинная такая, с кожаным хлыстиком на конце. Моя задница до сих пор горит от вчерашнего "знакомства" с ней.

Приоткрываю дверь, выглядываю. Коридор пустой, но снизу доносится гвалт. Басовитый хохот, звон посуды, мат.

Ладно. План такой: выскочить, добежать до ближайшей двери, найти свои вещи. Или чужие. Или вообще что угодно, что можно натянуть на себя. Хоть занавеску.

Холодный пол обжигает пятки. Первая дверь — заперта. Дергаю ручку — никак. Вторая — то же самое. За третьей обнаруживается чулан с швабрами и ведрами. Пахнет хлор-

кой и затхлостью.

Черт, это что за квест такой? Дом огромный, судя по длине коридора. Сколько тут вообще комнат? И почему все заперто? Что они там прячут — трупы?

Учитывая, кто мой муж, трупы — не самый безумный вариант.

Скрип ступеней. Кто-то поднимается.

Замираю посреди коридора. Если это Данте — переживу. Если кто-то из его бандюганов...

— О-па! А это кто у нас тут такая аппетитная?

Не Данте. Совсем не Данте.

Разворачиваюсь медленно, как в дурном сне. Мужик лет сорока, может чуть больше. Майка-алкоголичка обтягивает пивное пузо, джинсы сползли так низко, что видна резинка трусов. Волосы зализаны гелем.

Рот открываю, но оттуда выходит только:

— Я... э-э-э...

Мужик ухмыляется. Делает шаг ближе. От него несет перегаром.

Он облизывает губы, и мне хочется блевануть прямо здесь.

— Че молчишь, киса? Язычок проглотила?

Пячусь назад. Спина встречается со стеной. Приехали.

— Не подходи!

Ого, голос прорезался. Правда, звучит как писк испуганной мыши.

— Ой, какие мы недотроги! — он гогочет, и от этого звука мурашки бегут по коже. — Ничего, я знаю, как с такими обращаться. На коленки поставлю — сразу запоешь.

— Я не... Я жена Данте!

Вот. Сказала. Это должно сработать. ДОЛЖНО. Никто же не полезет к жене босса мафии.

Но этот урод только ржет. Показывает желтые зубы — передний сколот наполовину.

— Жена? Ха! Детка, Данте не женится. У него каждую неделю новая подстилка. Ты просто очередная дырка для его хуя.

Его рука тянется к моему плечу. Уворачиваюсь, но он быстрее. Пальцы впиваются в кожу.

— Не трогай меня!

— Тш-ш-ш, — он прижимает палец к губам. — Чего кричать-то? Расслабься. Быстренько перепихнемся, и разойдемся. Могу даже заплатить, если хорошо постараться.

Черт!

Дергаюсь изо всех сил. Полотенце предательски сползает. Хватаю его одной рукой, второй отталкиваю мужика. Бесполезно — он как скала.

— Отпусти! Я правда жена Данте! Он тебя убьет!

— Да хоть принцесса Монако! — он прижимает меня к стене всем телом. Пузо давит на живот, от запаха перегара мутит. — Данте на разборки умотал. Вернется не скоро. А у нас есть время...

Вторая рука ныряет под полотенце. Мерзкие пальцы ползут по бедру вверх, и меня выворачивает наизнанку от отвращения.

Нет. НЕТ! Это нереально. Это дурной сон. Сейчас я проснусь в своей комнатухе в Бруклине, и окажется, что никакого замужества не было...

Бью коленом. Целюсь в пах. Попадаю! Мужик складывается пополам, хватается за хозяйство, воздух со свистом вылетает из его легких.

Момент! Вырываюсь, делаю два шага...

Он хватает меня за волосы. Больно! Дергает назад, разворачивает лицом к стене. Прижимает так, что щека встречается с холодной штукатуркой.

— Сука! — шипит в ухо. — Захотела поиграть? Я люблю, когда сопротивляются.

Слышу звук молнии. О боже. Он расстегивает штаны. Он реально собирается...

Что делать?! Кричать? Кусаться? Молиться?

Что-то твердое упирается мне между ягодиц.

— ДАНТЕ! — голосовые связки рвутся от крика. — ДАНТЕ! ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ!

Вонючая ладонь зажимает рот. Вкус пота и грязи на языке.

— Заткнись, шалава! Никто не придет. Данте далеко, а парням внизу похер. Они привыкли к женским крикам в этом доме.

Кусаю. Вгрызаюсь зубами в его палец, до крови. Он взвы-

вает, отдергивает руку.

— ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ! ОН МЕНЯ...

— Да заглохни ты уже!

Мир взрывается белой вспышкой. Его кулак врезается в скулу, голова отлетает в сторону, ударяется о стену. В ушах звенит. Перед глазами танцуют черные мушки. Ноги подкашиваются, я медленно сползаю вниз.

Все. Конец. Сейчас он меня... прямо тут, в коридоре. И никто не придет.

Глава 29.

Данте

Винченцо дергается как припадный, машет руками в сторону ворот.

— Едут, босс! Три тачки!

Щурюсь на солнце. Черные внедорожники выползают из-за поворота. Без номеров, стекла такие темные, что хрен поймешь, сколько там народу набито. Паркуются полукругом.

Первым вываливается Эрнандо. Мать твою... Жирного борова еще больше разнесло с нашей последней встречи. Пузо натягивает рубашку так, что между пуговицами просвечивает майка. Или это кожа? Блядь, не хочу знать.

За ним его шестерки — человек десять, не меньше. У каждого под мышкой характерная выпуклость.

И из третьей машины...

Стоп. Что за хуйня?

Антонио Монтенегро выползает, опираясь на свою понтонную трость с золотым набалдашником. Морщинистая рожа скривилась в подобии улыбки.

Вот это поворот. У Монтенегро свой сектор в Бруклине, свои дела. Кокс — вообще не его тема. Он по казино и девочкам специализируется. Так какого хрена он тут забыл?

— Данте! Амиго! — Эрнандо расплывается в улыбке, тянет ко мне свои потные лапищи.

Стою не двигаясь. Я к нему прикасаться не собираюсь — еще подхвачу что-нибудь.

Жирдяй понимает намек, опускает лапы. Но улыбочка остается — присохла к роже намертво.

— Извини за опоздание! Знаешь, как оно бывает... пробки, дела...

Достаю телефон, специально медленно смотрю на экран.

— Двадцать три минуты опоздания. Это двадцать три минуты моего времени. А моя минута стоит больше, чем твоя тачка, Эрнандо.

Пот выступает у него на лбу. Хорошо. Пусть потеет.

— Данте, ну что ты... Мы же партнеры...

— Мы не партнеры. Ты — поставщик, я — покупатель. И сейчас покупатель охуевает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.